

18+

Арье Барац

ХАРТИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ

Арье Барац

Хартия сексуальной свободы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 31
ББК 60
Б24

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Барац Арье

Б24 Хартия сексуальной свободы / Арье Барац. — [б. м.] :
Издательские решения, 2023. — 100 с.
ISBN 978-5-0055-1564-3

Книга А. Бараца показывает, что вспыхнувшая на Западе во второй половине XX века сексуальная революция оказалась перманентной и сосредоточилась в XXI веке на легитимации извращенного секса. Книга хорошо документирована и убедительно демонстрирует, что революция эта является не просто интегральной составляющей неомарксистского плана ликвидации западной демократии, но выступает сегодня его главной движущей силой. В качестве альтернативы автором предлагается оригинальная библейская сексология.

**УДК 31
ББК 60**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0055-1564-3 © Арье Барац, 2023
© Лия Барац-Аруш, дизайн обложки, 2023

ЧАСТЬ 1. КАРАТЕЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

ВИРУС МАРКСИЗМА

Вирус бродит по планете, вирус марксизма. Не берусь судить, какая по счету волна этого интеллектуального патогена поражает сегодня мозги просвещенных народов, равно как и какова вирулентность его нынешнего штамма, но считаю важным подчеркнуть его выраженно сексуальный характер.

Не переставая атаковать также и другие свои традиционные цели, последняя версия этого вируса в значительной мере фокусируется на разрушении традиционной семьи.

На протяжении всей своей истории марксистский вирус многократно мутировал, однако основные его формы были заданы «Манифестом коммунистической партии».

В этом документе с одной стороны провозглашалось, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»; а с другой вскользь указывались еще три препятствия на пути к «бесклассовому обществу»: семья, отечество и религия.

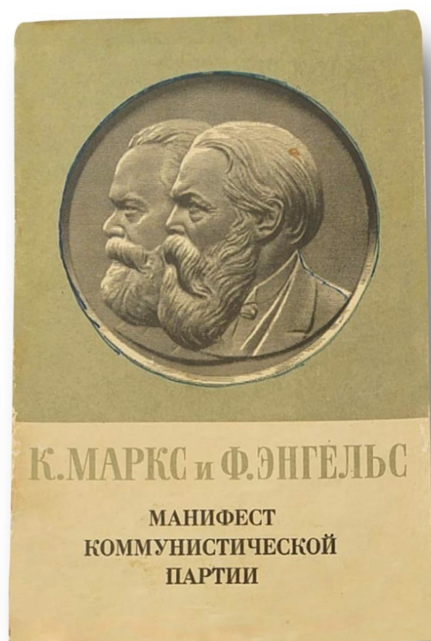
«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов... Нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда...

Далее коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет... Национальная обособленность и противоположности

народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком... Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение.

Нам скажут: «Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их...» Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого»^[1].

Три этих дополнительных препятствия на пути к грядущему «царству свободы» были сметены наряду с частной собственностью уже первым коммунистическим валом, обрушившимся

на Россию в 1917. Советская власть не только национализировала все предприятия, не менее беспощадно она расправилась также с религиями и национальными движениями.

Институт семьи пострадал существенно меньше, однако в первые годы советской власти свободная любовь виделась само собой разумеющимся завоеванием Октября.

Следует отметить, что представление о характере и форме этой любви не было единым, а сами расхождения по этому вопросу можно было бы назвать гендерными. Ветераны движения предпочитали «возвышенно-феминистскую» трактовку сексуальной революции, молодежное звено — «низменно-маскулинную».

Так в статье «Дорогу крылатому Эросу!» (1923) Александра Коллонтай формулирует «возвышенную» альтернативу брака, которую она узрела в «любовно-товарищеских переживаниях», основывающихся на трех пунктах:

«1) равенства во взаимных отношениях (без мужского самодовления и рабского растворения своей личности в любви со стороны женщины), 2) взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого (чувство собственности, взращенное буржуазной культурой), 3) товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека (буржуазная культура требовала эту чуткость в любви только со стороны женщины).

Но, провозглашая права «крылатого Эроса» (любви), идеология рабочего класса вместе с тем подчиняет любовь членов трудового коллектива друг к другу более властному чувству — любви-долгу к коллективу»^[2].

Между тем, куда более широкое распространение получила мужская версия «свободной любви», свидетельства о которой в изобилии сохранились в критических оценках тех же представителей феминистской линии.

Так Сара Равич, первая жена Зиновьева, писала в журнале «Коммунистка» в 1920 году: «Старые гнилые устои семьи и брака рушились и идут к полному уничтожению с каждым днем.

Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат. Самые ответственные политические люди, вожди революции, сами в этой области до очевидности бессильны и явно не связывают концы с концами»^[3].

Коммунистка дворянского происхождения Софья Смидович в следующих словах подытожила неписанный кодекс «низменно-мужской» версии свободной любви: «Каждый комсомолец-рабфаковец и др. очень еще юный, безусый мальчик может и должен удовлетворять свои половые стремления. Это почему-то считается неоспоримой истиной. Половое воздержание квалифицируется как мещанство. Каждая комсомолка рабфаковка, просто учащаяся, на которую при этом пал выбор того или другого мальчика-самца (откуда у нас на севере развились такие африканские страсти, судить не берусь) должна пойти ему навстречу; иначе она — мещанка, недостойна носить имя комсомолки»^[4].

Неприязнь к этой морали испытывали, разумеется, и многие мужчины. Так Клара Цеткин в книге «О Ленине» приводит следующее свидетельство вождя, касающееся комсомольских нравов: «Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, „принципиально“ и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию „революционной“ и „коммунистической“. Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая „новая половая жизнь“ молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется новизной доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась»^[5].

Нам может показаться, что ленинское «коммунистическое понимание» «свободы любви» тождественно «возвышенно-феминистскому» пониманию, но это не вполне так. В том-то и дело, что «коммунистическое понимание» включает в себя оба подхода — и «возвышенно-феминистское», и «низменно-маскулинное», которые отличаются друг от друга, как психология отличается от физиологии. Суть же этих пониманий одна — оба подразумевают следование вождениям — душевным или плотским — не беря на себя ответственность за их развитие; не достигая того последнего сближения душ, которое подразумевает брак (согласно той же Коллонтай, «не должно быть брачной пары как узаконенного коллектива, оторванного от главного основного союза всех граждан трудовой республики...»^[6]).

Иными словами, Хартия сексуальной свободы, оправдывающая и даже требующая реализации любой сексуальной прихоти, все же обуславливает ее как «взаимным признанием прав другого», так и отказом от «претензии владеть безраздельно сердцем другого».

Как бы то ни было, сексуальная революция в России не сложилась. Прозрение Коминтерна от 16 ноября 1924 года, что «революция бессильна до тех пор, пока существует понятие семьи и семейные отношения»^[7], так и не дошло до сознания широких масс советских людей.

Яростно выкорчевывая частную собственность, национальный дух и религию, русский коммунизм решительно сдал позицию в половом вопросе, вернул семейный уклад в «буржуазное» русло. Семья в СССР по сути осталась приватизированной.

Безусловно, это спасло Россию от полной духовной катастрофы, однако в своей неомарксистской инкарнации сексуальная революция, поднявшая голову в 60-х годах XX века, стала рисоваться делом куда более значимым, чем экспроприация экспроприаторов.

При всем том, что война с религией и патриотизмом также не прекращается ни на минуту, полная сексуальная эмансипация

оказалась главной священной коровой современного левачества, стала краеугольным камнем морального кодекса строителя коммунизма.

Но верен ли этот диагноз? Действительно ли именно вирус марксизма рушит интеллект Западной цивилизации? Разве происходящие в либеральном обществе деструктивные процессы не являются логическим завершением его собственного внутреннего развития?

МУЖЕСТВО БЫТЬ

Действительно, нетрудно заметить, что Западное общество весьма разбаловано, что с одной стороны, оно все менее желает считаться с какими-либо ограничениями, а с другой — все более фокусируется на потреблении, в том числе — если не в первую очередь — на сексуальном. Свободные, т. е., не упорядоченные брачными узами, любовные отношения уже давно стали в странах Запада нормативными.

Прежде чем оценить, в какой мере нравы либерального общества действительно сформированы им самим, а в какой обусловлены внешним влиянием, рассмотрим общие идеологические и нравственные основы этого общества.

В период Просвещения, когда демократические и правовые нормы только закладывались, Запад выглядел уверенным в себе и бодро смотрящим в будущее. Однако в какой-то момент произошел сбой. Начало деградации пророчески констатировал Ницше: «Возрастание нигилизма составит историю двух ближайших столетий. Вся наша европейская культура давно уже движется с мучительным напряжением, с дрожью и скрежетом, нарастающим от десятилетия к десятилетию, навстречу катастрофе; движется не спокойно, а судорожно, стремительными рывками, словно через силу: „скорей бы уж конец, лишь бы не опомниться, ведь очнуться и опомниться так страшно“^[8]».

Общественная жизнь народов Запада на протяжении всего XX века была отмечена потерянностью, фрустрацией, отсутстви-

ем ясных целей и ценностей, способных заменить ускользающую из повседневной жизни религию.

Система западного либерализма с ее упором на правовое обеспечение индивидуализма выглядит системой формальной, бескрылой, лишенной глубоких смыслов и высоких идеалов. Как известно, русские славянофилы еще в первой половине XIX века опознали в этих особенностях признаки «гниения». Даже и многие западники вскоре охладели к своему кумиру. По словам Н. Бердяева, «Герцену суждено было пережить жгучие разочарования в последствиях революции 48 г., в Западе и западных людях вообще. После него многие русские пережили аналогичное разочарование. Герцен был поражен и ранен мещанством Запада»^[9].

Об ограниченности либерализма в следующих словах писал В. В. Розанов: «В либерализме есть некоторые удобства, без которых трет плечо. Школ будет много, и мне будет куда отдать сына. И в либеральной школе моего сына не выпорют, а научат легко и хорошо. Сам захвораю: позову просвещенного доктора, который болезнь сердца не смешает с заворотом кишок. Таким образом, „прогресс“ и „либерализм“ есть английский чемодан, в котором „все положено“ и „все удобно“, и который предпочтительно возьмет в дорогу и не либерал. На либерализм мы должны оглядываться, и придерживать его надо рукою, как носовой платок. Платок, конечно, нужен: но кто же на него „Богу молится“ ...»^[10]

И все же критика эта не вполне справедлива. Во-первых, либерализм признает позитивность внешних религиозных ценностей, пусть и не разделяет их во всей полноте, а во-вторых, он все же располагает также и собственной формой духовности.

Духовной основой индивидуализма (и соответственно, «идеологией» либерального общества) служит экзистенциальная философия, — философия, с одной стороны честно констатирующая абсурдность мироздания, а с другой — живущая пафосом преодоления этой абсурдности.

«Индивидуализм, — пишет Пауль Тиллих, — есть самоутверждение индивидуального Я как такового, безотносительно к его участию в мире. Тем самым он полярен коллективизму, самоутверждению Я как части большего целого, безотносительно к индивидуальному характеру этого Я. Индивидуализм вышел из кабалы примитивного коллективизма и средневекового полукolleктивизма. Он рос под защитным покровом демократического конформизма и открыто выступил — в умеренной или радикальной формах — в экзистенциализме»^[11].

Суть этой философии, по словам Тиллиха, лучше всех сформулировал Сартр: «Сартр стал символом сегодняшнего экзистенциализма... Я имею в виду прежде всего его тезис: „Сущность человека есть его существование“. Это изречение, как луч света, освещает всю сцену экзистенциалистского творчества. Его можно было бы назвать самым отчаянным и самым мужественным изречением во всей экзистенциалистской литературе. Оно означает, что человек не обладает сущностной природой: он обладает лишь возможностью сделать из себя то, что захочет. Человек сам создает то, что он есть. И ему не дано ничего, что обуславливает этот творческий процесс. Сущность его бытия — императивы „надо“, „следует“ — это не то, что он находит, а то, что он создает. Человек — это то, что он из себя делает. А мужество быть собой — это мужество быть тем, кем ты решил быть»^[12].

Это самосознание, начавшее приоткрываться в начале XX века, во 2-й его половине полностью овладело умами европейцев.

В 1952 году в своей книге «Мужество быть» Тиллих засвидетельствовал, что экзистенциализм «стал реальностью во всех странах Запада, ... выразился во всех сферах духовного творчества человека, пронизал все образованные слои общества. Экзистенциализм нашего века — не изобретение божественного философа или невротика-романиста, не сенсационное преувеличение ради денег и популярности, не унылая игра с отрицающим началом. Все это может присутствовать в нем, но сам по себе он нечто иное. Экзистенциализм есть выражение тревоги бессмыс-

ленности и попытка принять эту тревогу в мужество быть самим собой»^[13].

На вершине этой попытки, согласно Тиллиху, неизбежно происходит обращение к Богу. Иными словами, система либерализма, в конечном счете, подразумевает религию, обнаруживает свой путь к Древу жизни, т. е., все же позволяет на себя «Богу молиться».

Мода на экзистенциализм прошла, но не исчезла провозглашенная им истина, не изменилась духовная ситуация. Мир, в котором обитает послевоенный Запад, бессмыслен, но порожденная им система либерализма до сих пор держится исключительно мужеством своих граждан, их мужеством быть.

Если в Западном обществе 2020-х еще осталось что-то здоровое, то оно достигается все теми же «сермяжными» средствами экзистенциализма, а именно — пресуществлением тревоги в мужество быть самим собой.

Современное западное общество перегружено безвольными слизнями и капризными «снежинками», ценящими лишь собственные слабости, но на протяжении десятилетий это общество держалось благодаря тем, кто помимо свободы проявляли также и ответственность, видели в ответственности свою высшую привилегию.

Как сказал Виктор Франкл, «Свобода, если ее реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает вырождаться в простой произвол. Я люблю говорить, что статуя Свободы на восточном побережье США должна быть дополнена статуей Ответственности на западном побережье»^[14].

«Если существование действительно предшествует сущности, — пишет Сартр, — то человек ответственен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование»^[15].

Однако при этом знаменательно и символично, что в политической сфере сам Сартр выбрал... коммунизм, даже крайнюю его форму — маоизм!

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ

Но как можно назвать ответственным человека, который из своего парижского далека, наполненного беженцами из «коммунистического рая», не мог распознать в этом «рае» зловещих черт геенны? Как такой выбор вообще мыслим?

Он мыслим в силу того, что марксизм и экзистенциализм конгениальны в исходном «протестном» восприятии мира как глубоко чуждого человеку.

«Отец новых левых» — Герберт Маркузе учился у Хайдеггера и читал «раннего» Маркса, порицавшего «отчужденный труд». Коммунизм, представляющий собой заявку на преодоление этого отчуждения, заявку на управление историей, выглядит в собственных глазах проявлением высшей ответственности.

В «Одномерном человеке» Маркузе критикует конформизм, критикует общество потребления, сознанием которого, по его наблюдениям, манипулируют продажные буржуазные СМИ. Однако своими рецептами избавления от этой напасти автор вовсе не открывает обществу второе измерение (которое в его время как раз наличествовало), а ведет его к тому коллапсирующему сжатию в единственную точку, которое мы наблюдаем сегодня.

Коммунизм представляет собой тень экзистенциализма, представляет собой такой радикальный уход от ответственности, который сопровождается ее бурной имитацией.

Ответственные, наделенные экзистенциальным сознанием люди XIX века строили открытое либеральное общество, основанное на свободе слова и свободе совести. Бунт в их сознании допускался лишь против диктатур, а не против парламентов. Коммунизм же в самом своем корне задумывался как свержение любой, в том числе и демократической власти (какой парламент добровольно откажется от своих полномочий в пользу диктатуры пролетариата?).

Претендующий на «научность» марксизм исходно представлял собой абсолютно вздорную фантастическую квазирелигию.

Карл Ясперс пишет: «Маркс обращается к оставленному Богом миру как пророк, устами которого глаголет не Бог уже, а то, что самому ему кажется Историей: он пророчествует о конце истории в прежнем смысле, об ожидающем революционном перевороте, вселенском магическом акте, в котором будет уничтожено абсолютно все прошлое, и на его месте само собою произрастет всеобщее Благо и Спасение. Он пророчествует в тех самых формах, которых требует и ждет сегоднешний мир: от лица науки, а не Бога, но эта же наука в действительности и не наука уже; он выступает как законодатель от лица якобы научного познания истории, а не по велению Божию; он повелевает от имени Истории, а не от имени Бога»^[16].

Неудивительно, что марксизм, по меткому замечанию политолога Раймона Арона (1905–1983), оказался «опиумом интеллектуалов».

Соответственно, революционеры, одержимые слепой верой в новое откровение, невольно воспроизводили парадигму религиозного мученичества. В «Бунтующем человеке» Камю характеризует их в следующих словах: «До сих пор шедшие на смерть обращались к Богу, отвергая человеческое правосудие. А знакомясь с заявлениями смертников интересующего нас периода, по-

ражаешься тому, что все они, как один, взывали к суду грядущих поколений. Лишенные высших ценностей, они смотрели на эти поколения, как на свою последнюю опору. Ведь будущее — единственная трансцендентность для безбожников. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лона которой явился бы новый бог»^[17].

Но манивший их новый бог оказался древним Ангелом Смерти. И это даже не «аллегория» — это «символ веры». Действительно, марксистская квазирелигия уходит своими корнями

в философскую религию Гегеля, верившего, что в Истории раскрывается ироничный Мировой Дух. Между тем, как я показываю это в своем романе «День шестой»^[18], Дух этот легко идентифицируется с Ангелом Смерти, с Воландом.

Маркс, утверждавший, что он поставил Гегеля «с головы на ноги», утверждавший, что Мировой дух — не более чем призрак, услышал от него полный иронии ответ: «Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу».

Заколдованные своими фантазиями марксисты смотрят дьяволу в глаза и не замечают его! То «светлое будущее», которое они породили, оказалось на порядки страшнее того «проклятого настоящего», которое они рушили. И тем не менее, у коммунистов всегда находятся продолжатели. Отрицательный опыт «русских» им ничего не доказывает. Марксистские грабли остаются привлекательными на все времена!

И это при том, что лживость коммунистического прожектёрства бросалась в глаза с первых мгновений. Современнику Маркса, родоначальнику экзистенциальной философии Кьеркегору, не нужно было ждать столетие, чтобы увидеть, к чему ведет «Манифест коммунистической партии». Кьеркегор заранее видел, что тирания коммунизма будет страшнее любой другой, которую он свергает.

«Сокрушать принцев, пап — писал Кьеркегор, — это не трудно по сравнению с борьбой против масс, против тирании равенства, против низости отсутствия духовности». «Из всех тираний тирания равенства самая опасная... Больше всего ведет к тирании коммунизм...»^[19]

Представляя собой демагогическую фантазию созидания путем разрушения («до основанья»); представляя собой слепую веру в возможность построения «царства свободы» средствами диктатуры, «революционная деятельность» представляет собой форму радикального ухода от ответственности... однако при одновременном поддержании в себе эйфорического чувства ее культивации. Неся миру неисчислимые страдания, коммунист

вполне искренне воображает себя умом, честью и совестью человечества.

Безответственность нынешних левых интеллектуалов закована на той безответственности, которая в своей крайней форме запечатлелась в коммунистическом движении.

Революционер и террорист XIX века закономерно мутировал в «правозащитника» XX — XXI, прославившегося своим исключительным рвением в защите прав преступников при полном безразличии к правам их жертв.

Немало людей борются за свои права, за права других своих несчастных братьев, и можно лишь пожелать успеха в их благом деле. Однако на фоне этих «вынужденных» борцов выделилась группа «профессионалов», у которой очень хорошо развилось «классовое чутье».

«Профессиональный правозащитник» селективен, он будет стоять за право «женщины распоряжаться своим телом», но никогда не за право на жизнь ее плода. Он собьется с ног в поиске военных преступников в генштабе ЦАХАЛа, но в то же время до последнего будет выгораживать террористов как «угнетенных», как «бойцов национально-освободительного движения». Он будет отстаивать право «гордых» гомосексуалистов усыновлять детей, но сделает все, чтобы встать на пути того гея, который пытается избавиться от своего сексуального расстройства и создать семью.

В «Манифесте» дается следующая оценка буржуазии: «Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных

и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли».

Этот начертанный Марксом образ «буржуя» невольно напоминает образ царя Мидаса. Согласно древней легенде, царь Мидас умер от голода после того, как получил от Диониса дар все превращать своим прикосновением в золото.

Превращающий все в «золото», капитализм истощает и умерщвляет вокруг себя все живое. Отчасти он таков, и полностью таким он рисуется в воспаленном мозгу революционера. Однако если в этот образный ряд поместить самого революционера, то он отнюдь не окажется волшебником, (своим диктатом) превращающим пустыню в цветущий сад.

Коммунист во всех своих исторических инкарнациях отмечен волшебным даром превращать все, к чему бы он ни прикоснулся, — в кал! Там, где он прошел, долгие годы никто не будет бороться ни за «мир», ни за «экологию», ни за «права человека».

Особенность коммунистической идеологии состоит в характерном морализаторстве, в подмене реальных решений различных социальных задач демагогией, проведением крикливых кампаний, достигающих, как правило, противоположных целей.

Чего, например, стоит, так называемое «антирасистское», движение — «Black Lives Matter»? Громятся магазины, принадлежащие белым, белых прохожих принуждают вставать на колени перед черными, целовать их обувь. Бороться такими методами с расизмом — это то же самое, что бороться с голодом с помощью коллективизации.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ДИАГНОЗА

Развернувшаяся летом 2020 года «борьба с расизмом», носящая выраженный расистский характер (хотя на сей раз не белый, а черный) — усугубила накапливавшуюся в последние годы повсеместную нетерпимость. В СМИ и в Академии, в сетях и на площадях, как в США, так и в ЕС была запущена беспреце-

дентная кампания травли «расистов», по своему характеру поразительно напоминающая аналогичные советские.

«С каждым днем все более затрудняется свободный обмен информацией и идеями, составляющий жизнь и кровь либерального общества... Редакторов увольняют за публикацию спорных материалов, книги изымаются за так называемую „неподлинность“, журналистам запрещают писать на определенные темы, преподаватели подвергаются „расследованиям“ за цитирование в классе произведений литературы, работы лишаются ученые, переславшие академические материалы с „неподобающими“ комментариями, выгоняют с работы глав организаций за неловкие ошибочные высказывания... Становятся привычными призывы к быстрой и жестокой расправе над теми, кто позволяют себе „крамольные“ речи и мысли».

Приведенные слова взяты из обращения-протеста, опубликованного 8 июля 2020 года в «Harper's Magazine». Под обращением стоят подписи 150 писателей, ученых и политиков, в том числе, Джоан Роулинг, Маргарет Атвуд, Салмана Рушди, Гарри Каспарова.^[20]

Письмо это, разумеется, также подверглось «быстрой и жестокой расправе» и привело к общественной обструкции «подписантов».

С той поры общество решительно и окончательно поляризовалось на «демократов» с их боевым отрядом «антифа» и на «фашистов» — всех прочих двуногих, не вписывающихся в повестку дня «демократического нарратива».

В вышедшей как раз в тот момент книге «Непобедимое Солнце» Виктор Пелевин в следующих словах формулирует произошедшее расслоение:

«— А что сегодня значит слово «фашист»? По одной версии, это человек, прячущий у себя дома портрет Трампа, по другой — тот, у кого недостаточно быстро выступают слезы во время речи Греты Тунберг в Давосе. А если забыть про политику, фашист — это любой человек, который мешает тебе удобно припарковаться. Как в физическом, так и в духовном смысле...

И Фрэнк прочитал мне целую лекцию про политическую подоплеку американского политкорректума — за ним, как он уверял, стояла попытка транснациональной финансово-информационной элиты закрепить умы так же, как в прошлых культурах закрепощали тела, спрятав хозяев мира за живым щитом из разных несовершеннолетних Грет, хромых лесбиянок (тут я слегка шлепнула его по лбу), черных активисток, трансгендерных мусульманок и прочего символического персонала, любой неодобрительный взгляд в сторону которого будет люто караться.

— Сегодня ты уже не можешь всерьез бороться с истеблишментом, — сказал он, — потому что менеджеры нарратива облепили его периметр всеми этими милыми котятками с болезнью Альцгеймера, израненными черными подростками и так далее. За живым щитом прячется создающая нарратив бессовестная мафия, но ты не можешь плюнуть в ее сторону, не попав во всех этих Грет...

— При чем тут Грета?

— Совершенно ни при чем. В том и дело, что человеку, который хочет плюнуть в элиту и истеблишмент, поневоле приходится плевать в Грету, потому что истеблишмент оклеил ее портретами все свои стены и двери. И люди, не понимающие в чем дело, но чувствующие подвох, клеят себе на бампер стикер «Fuck you Greta». Подразумевая не Грету, а этот самый истеблишмент. Выглядит, конечно, глуповато.

— Она тебе чем-то не нравится? — спросила я.

— Да какая разница. Дело не в том, что где-то в мире есть добрая Грета, настолько отважная и честная девчушка, что про ее подвиги поневоле сообщают корпоративные СМИ. Дело в том, что корпоративные СМИ с какого-то момента начинают полоскать тебе мозги ежедневными историями про эту Грету. И послать их куда подальше становится проблематично, потому что тебя могут спросить — ты что же, против доброй Греты, гад? Медийная Грета — это не человек. Это агрессивный педофрастический нарратив, используемый транснациональной олигархией в борьбе за контроль над твоим умом...

Это просто новая маска сатаны, которую, точно так же как маску Гая Фокса, немедленно начинают носить все мировые придурки. Такого не было даже у вас при Сталине. Мы новые крепостные, вот что... Прежний европейский крепостной (Фрэнк говорил «serf») не мог покидать свою деревню, но думать мог что хотел. Современный американский крепостной может ездить по всему миру и даже летать в космос, если есть деньги, но его сознание при этом должно бегать на коротком поводке вокруг нескольких колышков, вбитых корпоративными СМИ — формирова́телями нарратива».

Эта истина в полной мере проступила вскоре после президентских выборов в США 2020 года. Запуганные прокатившимися по стране погромами и угрозами штурмовиков антифы, суды отказывались рассматривать жалобы на фальсификацию выборов, осуществленную в нескольких критических штатах.

А в январе 2021 года стало окончательно ясно, что «формирователи нарратива» находятся в картельном союзе друг с дру-

гом, и все вместе в сговоре с демпартией.

6 января 2021 года законно действующий президент США был лишен доступа к электронным средствам массовой информации, не потому что он якобы «поддержал мятеж», а потому что в этот день у демократов образовалось большинство в Сенате, и цензурному произволу информационных монополистов уже ничего не угрожало.

Популярная стримерша Карина в следующих словах описала сложившуюся в те дни ситуацию: «Вы меня спрашиваете про вчерашние события в Капитолии? Ну что тут можно сказать. Впервые, толком ничего сказать нельзя. Стримлю на американском сервисе. Фотки выкладываю тоже на американском. Видео выпускаю (выпускала) тоже на американском.

Там сейчас такой напряг у них, если что-то скажешь, не согласовав с официальной линией партии, выдают волчий билет моментально. То есть, это даже не публичное какое-то порицание — санкции выдаст администрация сервисов.

Смайлик погчамп убрали, потому что стример не осудил происходящее в Капитолии. Вы сами все прекрасно понимаете. Чего тут рассказывать.

Второе. Про современную Америку», — далее Карина приводит цитату из книги Пелевина «Искусство легких касаний» (2018): «Современная Америка — это тоталитарный совок 1979 года, с ЛГБТ на месте комсомола, корпоративным менеджментом на месте КПСС... Но разница в том, что в совок 1979 года можно было привезти джинсы из Америки, а сегодняшняя Америка — это такой совок, в который джинсы уже никто не привезет».

Итак, аналогии напрашиваются сами собой: Вашингтон 2020 года стал напоминать готовящуюся к Олимпиаде Москву 1979-го, памятную следующим анекдотом: «Вместо объявленно-го (Хрущевым) в 1980 году коммунизма, в Москве состоятся олимпийские игры».

Однако дело не только в невольных напрашивающихся аналогиях. Диагноз этого умопомрачения — «неомарксизм» — был

поставлен задолго до погромных акций «Black Lives Matter». Поведение Демпартии и покорных ей СМИ — продукт длительного и сознательного внедрения соответствующего нарратива.

Нет, западноевропейский интеллект разрушается не от старости, а в результате хорошо спланированной вирусной атаки, парализующей мужество быть.

НЕОМАРКСИЗМ

Приведу несколько свидетельств. В своей книге «Смерть запада» (2001) Патрик Бьюкенен раскрывает как внутреннюю эволюцию самого марксизма, так и его революционную стратегию: «Новые марксисты рассчитывали добиться своего, не прибегая к насилию, через десятилетия кропотливого труда. Победа станет возможной, лишь когда в душе западного человека не останется и малой толики христианства. А это произойдет, лишь когда новый марксизм завладеет всеми средствами массовой информации и общественными институтами. Достаточно захватить „крепость с могучими стенами“ — и государство, „внешний ров“, по выражению Грамши, падет без боя... Среди тех новых воору-

жений, которые разработала Франкфуртская школа, была и так называемая критическая теория... Один из адептов этой теории определил ее как „обоснованную критику всех без исключения элементов западной культуры, в том числе христианства, капитализма, авторитета семьи, патриархата, иерархической структуры, традиции, сексуальных ограничений, верности, патриотизма, национализма, этноцентризма, конформизма и консерватизма“. Используя критическую теорию, марксисты не устали обвинять Запад в геноциде против всех цивилизаций и культур, с какими мы только сталкивались на протяжении истории. Согласно критической теории, западные общества — „скопища“ расизма, шовинизма, национализма, ксенофобии, гомофобии, антисемитизма, нацизма и фашизма. По той же теории, преступления Запада вытекают из характера западного общества, сформированного в пространстве христианства»^[21].

Эту оценку разделяет журналист и создатель консервативного сайта «Breitbart News» Эндрю Брайтбарт (1969–2012): «Пусть марксистский диалектический материализм оказался насквозь ложным, а СССР расправлялся с собственными гражданами. Для интеллектуалов это было недостаточным доводом, чтобы отказаться от мировой революции. Эта скучная претенциозная публика могла кануть в Лету, как большинство теоретиков марксизма. Гитлер помешал. Когда он пришел к власти, им пришлось бежать. И только Штаты приняли их... Мы встретили Франкфуртскую школу с распростертыми объятиями. Они воспользовались нашим гостеприимством. Вошли в культурные институты и начали насаждать свое лидерство, свой язык и свои правила... Они сбежали от нацистов в рай на Земле и не смогли оценить этого... Марксисты приехали сюда уничтожить лучший образ жизни из созданных человеком... Маркузе понимал, что в Америке не будет восстания рабочего класса. И он выбрал другие группы для атаки на капитализм. Расовые, этнические и сексуальные, ненавидящие старый порядок... Миссией Маркузе стало последовательное разрушение американского общества... Он хотел настроить черных против белых,

а все вышеперечисленные группы против общества... Вот только у него была проблема: американская идеология куда сексуальнее марксизма, настаивающего на тирании насильственного равенства в противовес свободе и личной ответственности. Пусть Маркузе обещал секс, наркотики и рок-н-ролл. Для американцев важнее свобода и семья в обществе, ценящем доброту и труд, а никак не разврат с промискуитетом. Тогда и появилась „репрессивная толерантность“ — утверждение, что идеи меньшинств должны процветать, но только при условии, если идеи большинства преследуются... Иными словами, если вы не соглашаетесь с Маркузе, вам должны силой заткнуть рот. Согласно Маркузе. И политические дебаты сразу стали очень удобными для Маркузе и его союзников. А подобная тоталитарная система сегодня царит в университетских кампусах, в СМИ и Голливуде — тех самых местах, которые хотела контролировать Франкфуртская школа»^[22].

А вот свидетельство профессора Макгильского Университета (McGill University) Филипа Карла Зальцмана, прозвучавшее уже после летних бесчинств 2020-го: «Возрождение марксизма в 70-х, расовая активность от «Черных Пантер» до «Black Lives Matter», движение за освобождение геев, пропалестинское антиизраильское движение — были приняты в университетах и развились там в самых крайних и максималистских формах. Профессора перестали считать себя учеными, стремящимися к беспристрастным и объективным знаниям, вместо этого они стали сторонниками предпочитаемых групп и движений, а также активистами, продвигающими «прогрессивные» и крайне левые темы. Обучение стало в значительной степени политической индоктринацией, а администрация включает в себя идеологический контроль и подавление нежелательных мнений.

Западная цивилизация... характеризуется как империалистическая, колониалистская, капиталистическая, сексистская, расистская, гомофобная, трансфобная и исламофобная, порождение злых белых людей, которых следует вычеркнуть из памяти.

Студенты больше не будут осквернять себя изучением позорных произведений авторов ТАНАХа и Евангелия, Гомера, Эсхила, Софокла, Еврипида, Платона, Аристотеля, Августина, Данте, Чосера, Шекспира, Сервантеса, Мольера и, пропуская многих, Йейтса, Пруста, Джойса, Кафки и Камю.

Единственный западный автор, которого чтут в современных американских университетах — Карл Маркс. Фактически, марксова модель общества на основе конфликта классов была принята в общественных и гуманитарных науках, образовании, социальной работе и юриспруденции... Цель — социалистическая утопия... Меня очень поражало, когда я преподавал в элитном университете, как много моих коллег с гордостью объявляли, что они коммунисты, предлагая Северную Корею в качестве образца для подражания и защищая коммунистический Китай, и как мало из них считали достижения американской культуры и западной цивилизации предметом для гордости. Фактически, они, похоже, гордились тем, что подрывают Америку и Запад. Как и основные средства массовой информации («New York Times», «Washington Post», «CNN» и «MSNBC»), которые страстно работают над тем, чтобы представить Америку как можно более негативно, американские колледжи и университеты являются врагами Америки и американского народа»^[23].

Завершить этот обзор уместно иллюстративным свидетельством (2016 года) эмигранта из СССР Марка Зальцберга: «Самую оскорбительную картину являет теперь система нашего образования. С детского сада и до университета детей воспитывают крайне левыми либералами и социалистами. С пятого-шестого класса дети тренируются в произнесении политических речей социалистического содержания. Четырнадцатилетний сын моих друзей яростно кидался на меня, старого университетского преподавателя, когда я говорил о том, что государство не должно содержать миллионы здоровых бездельников вместо того, чтобы заставить их работать. Он подолгу произносил бессмысленные речи о засилье капитала, о национализации частной собствен-

ности и угнетенном рабочем классе, не имея при том представления о тех школьных предметах, которыми положено владеть юношам его возраста. И это притом, что рос он в семье российских иммигрантов, социализма отнюдь не любившей.

Дочь моих ближайших друзей превратилась буквально в коммунистку, получивши образование в средней школе и в чудовищно дорогом, крайне либеральном Brandies University. Похоже, что ничему кроме классовой ненависти этих детей не учили! А о морали и уважении к традициям эти «высокообразованные» люди и слышать не хотят! Они просто не знают, что это такое. Свободу гомосексуалистам в пропаганде их образа жизни, свободу им же в усыновлении детей, признание гомосексуальных браков, почет и уважение людям, хирургически меняющим свой пол... долой семью! Свободу порнографии, оргиям и неслыханному разврату! И все это вовсе не из-за ее приверженности к этому, а из принципа. Сама она вполне нормальная женщина. Но ничто, как она считает, не должно быть запрещено! Никакое безобразие! Ничто?

О нет! Следует немедленно запретить патриотизм, неприятие разврата, свободное предпринимательство и прежде всего, запретить самую возможность критиковать этих «свободолюбцев» и их социалистическую пропаганду. И вот практически вся наша пресса, все государственные школы и все вообще университеты стали рассадниками социализма, жестокой цензуры для противников его, и я, проработавши в университете почти 15 лет, все время устаивался кличек расист, консерватор, сексист, ксенофоб, исламофоб и прочих подобных... Все это сильно напоминало мне СССР с его жесткой идеологией и травлей инакомыслящих».

НОВЫЕ ГЕГЕМОНЫ

Верная наследница «ранних марксистов» — Компартия Советского Союза — Франкфуртскую школу ни во что не ставила. Тем не менее, методички Маркузе не только пережили доклады Брежнева, но и сегодня живут и побеждают.

Выдвигая на первый план не упразднение частной собственности, а три другие цели коммунизма, Франкфуртская школа в конечном счете опиралась именно на Маркса, творчески развивала его деструктивный проект, совершенствовала созданный им вирус.

Франкфуртская школа подвергла обструкции «все без исключения элементы западной культуры». Не отказываясь от задачи национализации производства, главного своего врага она узрела не в капитализме, а в самой культурной основе Запада, в его возвращенных на христианстве и рационализме ценностях.

Маркузе разуверился в революционных способностях мирового пролетариата. Признав, что общество потребления развратило всех поголовно, он стал искать новых гегемонов и нашел их в лице маргинальных «меньшинств». В своей программной работе «Одномерный человек» (1964) Маркузе пишет: «Однако под консервативно настроенной основной массой народа скрыта прослойка обездоленных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных»^[24].

Классический марксизм был одержим идеей всеобщего равенства, всеобщей уравниловки. Патент неомарксизма иной: он состоит в том, чтобы наделить привилегиями все субкультуры, которым чужды ценности иудео-христианской цивилизации, которые можно представить «угнетенными» этой «репрессивной» цивилизацией.

Именно эти группы превратились в боевые отряды революции, стали главной ударной силой современных марксистов, и этот их подлый узкополитический интерес — важнейшая из причин, по которой права, а точнее, привилегии этих групп отстаиваются.

Любимцами правозащитников, несомненно, являются «сексуальные меньшинства», но парадоксальным образом, следующими в списке оказываются... их яростные противники — исламисты!

Стремительное распространение ислама в Европе многие объясняют недалекновидностью европейских политиков. Между

тем, в первую очередь это результат как раз противоположного — дальновидности, дальновидности Маркузе, замыслившего уничтожить «одномерную», по его мнению, Западную демократию.

Введение Европарламентом закона, запрещающего «оскорблять религиозные чувства» — такая же сознательная происламская акция, как политика переоборудования пустующих церквей в мечети. Пробивавшие этот закон красные парламентарии прекрасно сознавали, что их «химиотерапия» будет бить исключительно по здоровым, а не злокачественным клеткам: ведь никакой европейский суд не станет рассматривать жалобу об оскорблении христианства или иудаизма, уже давно заплеванных с ног до головы, но чтущих свободу слова. В то же время, разогреваемое правозащитниками «мусульманское меньшинство» болезненно реагирует даже на появление любого не исламского символа в общественном пространстве. Успехи джихада на Европейском континенте — это в первую очередь заслуга выучеников Маркузе.

В Соединенных Штатах 60-х годов его идеи принимались левой элитой на ура и стремительно воплощались в жизнь.

Так, через год после того, как Маркузе написал «Одномерного человека» (1964), президент от демократической партии Линдон Джонсон впервые в истории ввел «позитивную дискриминацию», т. е., установил, что черные имеют перед белыми преимущество при получении социальных благ, при поступлении на работу, учебу и т. д.

В 1965 году в своем эссе «Репрессивная толерантность» («Repressive Tolerance») Маркузе призвал к применению двойного стандарта, т. е., к проявлению «нетерпимости к правым движениям и терпимости к движениям левым». Он писал: «Реализация объективной толерантности требует нетолерантного отношения к господствующим формам политики, установкам, мнениям, а также распространения принципа толерантности на политику, установки и мнения, которые подавляются или даже объявлены вне закона... В настоящее время не существует такой власти, такого

правительства, которые могли бы реализовать на практике идею освобождающей толерантности, но все же я верю, что задача и обязанность интеллектуала состоит в том, чтобы напоминать об исторических возможностях»^[25].

Однако власть, готовая откликнуться на безумные маркузовские требования, оказалась тут же под рукой! «Прогрессивный» Верховный Суд США немедленно взял на вооружение эту «интеллектуальную» теорию и принял десятки решений, ограничивающих в правах христианские церкви и наделяющих привилегиями маргинальные группы.

Со временем теория Маркузе была доведена до сознания миллионов. В результате на волне антитрамповской кампании марксистам удалось расширить «репрессивную толерантность» до планетарных масштабов!

Летом 2020 года на протяжении нескольких недель черные расисты громили магазины своих белых сограждан, в то время как весь «либеральный» Запад не просто солидаризировался с погромщиками, а поднял градус своей священной ненависти к «белому большинству» до точки кипения!

Злокачественность текущей неомарксистской пандемии усугубилась возникновением нового вирулентного штамма «критической теории рас» (critical race theory). Традиционное марксистское требование упразднения всех демократических институтов обосновывается этой новой школой тем, что институты эти были учреждены расистами.

Год спустя, в мае 2021 года, аналогичная кампания прокатилась по Израилю. Когда в ответ на хамасовский ракетный обстрел Тель Авива и Иерусалима ЦАХАЛ начал операцию «Страж стен», арабские граждане Израиля решили поддержать террористов. В течение недели толпы арабов жгли автомобили и синагоги, перекрывали дороги, громили дома своих еврейских сограждан и избивали их. Все это время краснознаменные израильские СМИ, искажая картину происходящего, с пеной у рта клеймили еврейских «расистов», пытавшихся остановить погромщиков и не способных уразуметь, что «экстремисты имеются с обеих сторон».

ТАИНСТВО БРАКА

Но вернемся к истокам коммунизма, вернемся к «Манифесту» и его четырем категорическим «нет»: нет — частной собственности, нет — патриотизму, нет — религии, и нет — семье.

Как мы выяснили, задача «уничтожения частной собственности», некогда стоявшая в марксистской повестке дня на первом приоритетном месте, несколько стушеввалась. Неприязнь к национальным идеям сегодня сохраняет ту же силу, что и век назад. Нисколько не уменьшилось также и стремление к удушению иудео-христианских религиозных институтов.

Относительно религии, как уже отмечалось выше, в том же Манифесте говорится: «Нам скажут... коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их... Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого».

Антирелигиозный пафос был присущ почти всем европейским революциям, начиная с Великой Французской, сопровождавшейся, как известно, разгромом церквей, в том числе переоборудованием Собора Парижской Богоматери в Храм Разума.

Этот протест против религии может показаться в значительной мере оправдан. Действительно, на протяжении веков традиционные религиозные институты являлись душителями свободы мысли и отличались крайней нетерпимостью.

Однако далеко не всех это обстоятельство отталкивало от поиска Бога, от поиска самой религиозной истины.

Кант, подвергающий критике «статутарные религии», искал им альтернативу в «религии в пределах только разума». К приватизации религии призывал историк Иоганн Землер (1725—1791): «Христианство по своему существу есть доведенное Христом до сознания человечества право индивидуума, право каждого иметь свою собственную частную религию в противовес

всему, что выдает себя за религию господствующую, обязательную»^[26].

По словам Кьеркегора, участвовать в церковной жизни значит «принимать Бога за дурака». Он утверждал, что «разница между театром и церковью в том, что театр честно и правдиво признает, что он есть; церковь же в отличие от театра лживо пытается всячески скрыть, что она есть»^[27].

Однако при этом Кьеркегор являлся все же глубоким религиозным мыслителем и ярким проповедником. А атеист Сартр признавал, что «экзистенциалисты обеспокоены отсутствием Бога, так как вместе с Богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостигаемом мире»^[28].

Внеконфессиональные поиски Бога вел не только Лев Шестов. Тот же Тиллих, критически относясь к Богу религиозной традиции — к Богу-теизма, завершает свою книгу «Мужество быть» призывом к поиску стоящего за ним Божественного собеседника: «Последний (и первый) источник мужества быть — Бог-над-Богом- (теизма). К этому приводит наше требование выйти за пределы теизма. Тревога сомнения и бессмысленности может быть принята в мужество быть только в том случае, если Бог теизма превзойден. Бог-над-Богом — цель всякого мистического устремления»^[29].

Схожим образом размышляет создатель логотерапии (экзистенциальной психологии и психотерапии) психолог Виктор Франкл: «Инстанция, перед которой мы несем ответственность, — это совесть. Если диалог с моей совестью — это настоящий диалог, то встает вопрос, является ли совесть все-таки последней или предпоследней инстанцией. Последнее, „перед чем“ оказывается возможным выяснить путем более пристального и подробного феноменологического анализа, и „некто“ превращается в „некто“ — инстанцию, имеющую облик личности. Более того — это своеобразная сверхличность. Мы должны стать последними, кто не решается назвать эту инстанцию, эту сверхличность тем именем, которое ей дало человечество: Бог»^[30].

Однако последние десятилетия показали, что многочисленные реформистские движения — как христианские, так и иудейские — умеют вполне по-марксистски исказить этот опыт, что индивидуальный поиск Бога остро нуждается в союзе с традиционными исканиями, вынужден корректироваться ими.

В своей книге «Там и всегда»^[31] я подробно рассматриваю конвергенцию путей поиска Бога-над-Богом- (теизма) с поисками Бога-теизма.

Между тем, в третьем тысячелетии направление главного удара неомарксизм сосредоточил все же не на религии, а на непосредственно примыкающей к ней брачной, семейной сфере.

Действительно, на протяжении веков супружеские отношения не просто регулировались религией, но считались ее сердцем. Две эти сферы — супружеская и религиозная — тесно сопряжены: обе они питаются культовым характером друг друга, обе являются друг для друга источником символов и смыслов; обе отмечены экзальтацией, неуместной ни в какой иной области человеческих отношений.

Розанов отмечал сходство любовной стихии со стихией магической: «Пол — магическая точка... Всякое влюбление есть „ведовство“, есть и „волшебство“, „магическое очарование“. „Я заморожен“. Невольность, неодолимость любви. „Не могу справиться с собой“... Совокупление — вполне магический акт. Та „магия“, без которой всему миру скучно»^[32].

Но и в той религии, которая против магии категорически выступает, супружеская любовь наделена высшим культовым статусом.

Как сказано в трактате Йома (54.а): «...когда народ Израиля приходил (в Иерусалим) на праздники, открывали перед ними завесу Святая Святых и показывали им обнимающихся друг с другом Керувов. И говорили им: вы видите, ваша связь с Богом дорога, как связь мужа и жены».

Рабби Акива сказал: «Целый мир не стоит того дня, в который „Песнь Песней“ была дана Израилю, ибо все писания Святы, а „Песнь песней“ — Святая святых» (Йадаим 3:5).

Для христианства, тяготеющего к celibату, брак, тем не менее, — это церковное таинство, а Церковь — «невеста Христова».

Итак, по крайней мере, для иудаизма и христианства религиозный культ и семья — две стороны единого духовного опыта.

Неудивительно поэтому, что классическая («буржуазная») семья с точки зрения марксизма подлежит упразднению. Об этом вкратце говорится в том же Манифесте, но вполне ясно озвучено в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884): «Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадет беспокойство о „последствиях“, которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, — моральный и экономический, — мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это

достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию? Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии существовал самое большее лишь в зародыше, — индивидуальная половая любовь»^[33].

Через два года после «Происхождения семьи» в свет вышла книга криминалиста и психиатра Крафт-Эбинга «Половая психопатия» — первая книга по сексопатологии, неожиданно открывшая широкой публике, как далеко заводят человека его сексуальные фантазии. Далее — на грани веков — пришел Фрейд с его психоанализом и возведением либидо в ранг верховного властителя человеческих дум. На фоне этих научных достижений — достижений психологии и психиатрии — революционный призрак «индивидуальной половой любви» уверенно зашагал по Европе, пока не вылился в сексуальную революцию 60-х годов XX века, с той поры ставшей перманентной.

ВЕЛИКИЙ ОТКАЗ

Революция эта кому-то может показаться явлением стихийным, лишенным идеологической базы и формирующимся под влиянием молодежной субкультуры (Sex & Drugs & Rock & Roll).

Но это не так. Сексуальная революция 1968 года являлась интегральной составляющей той неомарксистской смуты, которую еще десятилетие спустя наблюдал в Париже Владимир Высоцкий:

Новые левые — мальчики brave
С красными флагами буйной оравой,
Чем вас так манят серпы да молоты?
Может, подкурены вы и подколоты?!
Слушаю полубезумных ораторов:
«Экспроприация экспроприаторов...»
Вижу портреты над клубами пара —
Мао, Дзержинский и Че Гевара.

Сексуальная революция 60-х являлась вполне идейным явлением. Свои беспорядочными половыми актами революционеры подрывали «репрессивный» порядок буржуазного общества.

На их демонстрациях был популярен плакат, на котором красовались три имени, озаглавленные одним «М» — Маркс, Мао, Маркузе. Последний из этих молодежных кумиров еще в 50-х годах написал книгу «Эрос и цивилизация». Этот труд сделался катехизисом парижских смутьянов.

Характерно, что говоря на эту революционную тему, Маркузе парадоксальным образом обращается к религии и ее образам, но, разумеется, не библейским, а эллинским, обращается к античной мифологии.

Символу прогресса и индустриального общества Прометею автор противопоставляет символ наслаждения, Эроса, который с древних времен увязывается с анальным сексом (читай диалог Платона «Пир»).

«Классическая традиция связывает Орфея с возникновением гомосексуальности. Как и Нарцисс, он отвергает нормальный Эрос, но не ради аскетического идеала, а ради более совершенного Эроса. Как и Нарцисс, он выражает протест против репрессивного порядка сексуальности, ограниченной деторождением. Эрос Орфея и Нарцисса — это, в конечном итоге, отрицание этого порядка, Великий Отказ. В мире, символом которого является культурный герой Прометей, это означает отрицание всякого порядка. Орфический Эрос преобразует бытие: он укрощает жестокость и смерть освобождением»^[34].

Сегодня очевидно, что «Великий отказ» от деторождения привел Запад к демографической катастрофе. С помощью презерватива и гормональной пиллюли, ставшими, по словам Патрика Бьюкенена, своеобразной эмблемой общества потребления, его «серпом и молотом», численность этого общества стремительно снижается.

В своей работе «Смерть Запада» Бьюкенен ссылается на статистические данные ООН, согласно которым население Европы к 2050 году сократится на 128 млн. Италия потеряет 16 млн., Германия — 23 млн., Россия — 33 млн. Но при этом лишь 10 процентов населения Европы в 2050 году будет по происхождению европейским!

Последствия «Великого отказа» от брака и классического секса не столь заметны, но не менее драматичны. Они меняют саму антропологию тающих на глазах человеческих ресурсов.

Среди комсомольцев 20-х годов была популярна теория «стакана воды», согласно которой удовлетворение полового

влечения ничем не отличается от удовлетворения жажды и не подразумевает никаких моральных ограничений.

Маркузе идет дальше. Полностью разделяя саму эту теорию, он заговорил не о стакане воды, а о стакане с напитком совершенно иного рода.

«Вся сила цивилизованной морали — пишет Маркузе, — была мобилизована против превращения тела в инструмент наслаждения; такое овеществление тела подверглось табуированию и осталось позорной привилегией проституток, дегенератов и извращенцев».

Сам же Маркузе пожелал одарить этой привилегией всех граждан грядущего «Царства свободы». В своем сочинении автор мечтает об «оживлении всех эrogenных зон», предрекает «закат генитального приоритета» и призывает превратить «тело как целое в инструмент наслаждения».

Классическая свободная любовь уже не занимает нашего сексуального гиганта, он ищет безграничных наслаждений, вычитанных им в «Половой психопатии», и решительно направляет сексуальную революцию в русло патологии. Теория Маркузе — это теория не «стакана воды», а «стакана мочи».

Первые шаги в этом направлении были, впрочем, сделаны Фрейдом, на которого Маркузе ссылается через каждое предложение: «Фрейд задался вопросом, почему табу на перверсии поддерживается с такой чрезвычайной жесткостью, и пришел к заключению, что перверсии воспринимаются не просто «как что-то отвратительное, но и чудовищное, опасное, как будто их считают соблазнительными и в глубине души вынуждены побороть тайную зависть к тем, кто ими наслаждается...». Кажется, что перверсии дают большее *promesse de bonheur* (обещание счастья), чем «нормальная» сексуальность. В чем же источник этого обещания? Фрейд выделил «исключительный» характер отклонений от нормальности, их отказ от сексуального акта, направленного на деторождение. Перверсии, таким образом, выражают бунт против порядка, подчиняющего сексуальность производству потомства, и институтов, его гарантирующих»^[35].

Легализация извращенного секса рисуется автором как заветная цель, достижение которой обрушит, наконец, деторождение и семейные устои: «Изменение ценности и размаха либидозных отношений поведет к распаду институтов, ответственных за организацию частных межличностных отношений, в особенности моногамной и патриархальной семьи»^[36].

Несмотря на тяжелый слог и неумеренное использование философского жаргона, книга Маркузе стала бестселлером. Она вызвала подлинную революцию, в ходе которой гомосексуализм оказался самым востребованным половым расстройством. Отмывание содомии от клейма «ненормальности» открывало путь к горделивому удовлетворению любой похоти.

Геев решительно отличили от прочих больных, их бережно отделили от компании фетишистов и копрофилов, создав некое невиданное доселе подмножество: пышущее здоровьем «сексуальное меньшинство».

Так гомосексуализм оказался троянским конем, проникнувшим в здоровое общество из мира психиатрии с тем, чтобы в свой час «отмыть» все мыслимые извращения.

ЧАСТЬ 2. ТАРАН СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

НЕ ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ, А ХОЧУ ГОРДИТЬСЯ

Традиционная неприязнь к гомосексуализму стала объясняться исключительно как «религиозный предрассудок», как некритическая приверженность маргинальной «ветхозаветной» догме: «с мужчиною не ложись, как ложатся с женщиною: это мерзость» (Левит 18:22). Разум же развеял этот миф; наука доказала полную нормативность однополрой любви, пришло время взглянуть правде в глаза.

Вроде бы все так: в 1974 году Американская Психиатрическая Ассоциация (АПА) исключила гомосексуализм из общего списка сексуальных отклонений. В 1992 году ее примеру последовала Всемирная организации здравоохранения, а к концу XX века этот новый стандарт приняли минздравы всех развитых стран, в том числе и РФ (1999).

Казалось бы, с чем здесь можно спорить? Между тем, решения эти и поныне подвергаются резкой критике в научном и медицинском мире. Множество специалистов, зачастую рискуя своей карьерой, и по сей день продолжают повторять: «а все-таки она вертится», продолжают повторять, что гомосексуализм — это патология, а не альтернативное здоровье. Они находят решение АПА и ВОЗА не профессиональным, а политическим.

Решение АПА принималось без малейшего научного обоснования, исключительно под давлением «пациентов», а точнее, тех, кто отказывались ими стать. На первом этапе Ассоциация согласилась исключить только (срывавших лекции и конференции) «крикунов», сохраняя диагноз в отношении тех лиц, у которых их однополрое влечение вызывало неудобство. Но поскольку

невротик, чувствующий себя дискомфортно, считается более здоровым, чем тот, который с собой в ладах, такое положение долго продолжаться не могло, и на следующем этапе диагноз «гомосексуальность» был полностью удален из числа сексуальных расстройств.

Однако опрос, проведенный через 4 года, показал, что 68% американских психиатров с навязанной им реформой согласны не были. Исключение гомосексуализма из списка сексуальных расстройств в 1992 году было достигнуто перевесом всего лишь в один голос (притом, что решение принималось не психиатрами, а чиновниками). А еще через несколько лет после этого события — т. е., через четверть века после прецедентного решения АПА, ее представитель Мерсер признавал: «Психиатры все еще недостаточно подготовлены к разрешению психиатрических проблем своих пациентов, относящихся к сексуальным меньшинствам. Результаты международного опроса, проведенного моим отделом среди психиатров об их отношении к гомосексуализму, показали, что подавляющее большинство рассматривает гомосексуализм как девиантное поведение, хотя он был исключен из списка психических расстройств»^[37].

С той поры опросы не проводились. Истинного состояния умов не знает никто, но судя по состоянию общества, естественно ожидать, что за два первых десятилетия XXI века ряды психиатров, видящих в гомосексуализме расстройство, поредели.

В статье «Википедии» «Репаративная терапия» утверждается следующее: «С 1 января 1999 года, — через 6 лет после декриминализации гомосексуальности, официальная российская психиатрия перешла на международную классификацию болезней МКБ-10, принятую ВОЗ, которая не расценивает гомосексуальность как психическое отклонение. Большинство российских специалистов рассматривают попытки „излечения“ гомосексуальности с помощью репаративной или иной терапии как несостоятельные и научно необоснованные».

Авторы не указывают, откуда почерпнута эта статистика, и в каком «большинстве» находятся противники репаративной

терапии среди российских психиатров, но в любом случае, сторонников у нее и сейчас сохранилось немало.

Так, профессор сексологии Г. С. Кочарян в докладе, прочитанном 15 мая 2014 года в Харьковской Медицинской Академии, называет следующие имена: «По нашему мнению, а также мнению ведущих клинических и судебных сексологов СНГ (Г. С. Васильченко, А. М. Свядош, С. С. Либих, В. В. Кришталь, А. А. Ткаченко), гомосексуальность следует относить к расстройствам сексуального предпочтения (парафилиям). Это утверждение основывается на том, что гомосексуальные отношения исключают возможность воспроизводства человеческого рода. Такого же мнения придерживаются известные профессора-психиатры Ю. В. Попов и З. И. Кекелидзе (Россия), а также многие профессионалы в США и, в частности, члены созданной в 1992 г. National Association for Research and Therapy of Homosexuality (NARTH). В настоящее время в России существует Межрегиональная общественная организация „Профессиональное объединение врачей сексологов“, созданная в июне 2012 г. Она выступает за традиционные семейные ценности, и к одному из критериев сексуальной нормы относит гетеросексуальность. Ее членами являются 42 специалиста. Среди них 18 профессоров, докторов мед. наук, доцентов и кандидатов мед. наук»^[38].

Немало противников «нормализации» содомии сохранилось и на Западе.

Так, доктор психиатрии Джозеф Николоси (Joseph Nicolosi), пишет: «Апологеты гей-движения воспользовались вопросом права на подлинную идентичность как клином, чтобы провести свое определение человеческой сексуальности — и, по сути, самой человеческой природы. То мощное оружие, которое время от времени вновь пускается в ход, это история «coming out» («выход из чулана»). Именно эта одна общая история повторяется почти слово в слово на протяжении последних 30 лет повсеместно — от комитетов АПА в 1973 году до ток-шоу Опры Уинфри.

Я видел, как представители духовенства тепло аплодировали историям «coming out». А почему нет? Ведь «обрести себя»

и «быть тем, кто есть ты на самом деле» — это популярные темы конца XX века, имеющие для них героическое и привлекательное звучание. Несомненно, человек, рассказывающий историю «coming out», искренен. Он имеет в виду то, что говорит, но аудитория редко смотрит дальше его слов, чтобы понять его «coming out» в более широком контексте.

Вторым фактором стало то, что сама по себе сексуальность находится в кризисе; наши определения семьи, общества, рождения, брака и гендера претерпели фундаментальные изменения. Все эти изменения служат праву индивида стремиться к сексуальному удовольствию. Хотя гей-правозащитное движение следовало на волне движения за гражданские права, но свою идеологическую силу оно продолжало черпать от движения за сексуальную свободу.

Наше время — это время культурной беззащитности перед риторикой движения в защиту прав сексуальных меньшинств. Лицам, страдающим извращениями (в традиционном психоаналитическом смысле слова), удалось внести путаницу в два наиболее существенных вопроса человеческой реальности: различие между поколениями и между полами. В гей-идеологии мы видим именно такое стирание различий. Мидж Дектер говорит, что мы — культура, которая обращается с детьми как со взрослыми (достаточно взглянуть на сексуальное просвещение в начальной школе), в то самое время как взрослые действуют как дети»^[39].

Если в последнее время среди западных психиатров такие высказывания звучат все реже, то это объясняется, увы, не только конформизмом, но элементарным страхом лишиться медицинского сертификата.

Поскольку академическая дискуссия по этому вопросу в XXI веке открыто не ведется, научным следует признать тот подход, которого придерживались психиатры в тот момент, когда еще могли свободно обмениваться мнениями на эту тему, т. е., на излете XX века. А как проболтался Мерсер, в ту пору «подавляющее большинство (психиатров) рассматривало гомосексуализм

как девиантное поведение, хотя он был исключен из списка психических расстройств».

Полным отсутствием научного характера отмечен также и единственный «научный» довод сторонников однополого секса: гомосексуальные отношения являются «нормой», так как аналогичное явление наблюдается также и в животном мире!

Утверждение более, чем странное. Разве саркома перестает быть заболеванием от того, что она встречается также у собак и кошек, а не только у людей? Но дело в том, что гомосексуализм как раз в животном мире не наблюдается!

Биология — наука, жестко подчиненная принципу целесообразности. Любому феномену, анатомическому или физиологическому, непременно отыскивается биологический смысл. Так, например, линька ракообразных объясняется необходимостью их роста; задержка наступления чувства насыщения во время еды объясняется необходимостью запаса калорий.

Имеется также и биологическое объяснение запрыгиванию одних самцов на других, сопровождающемуся фрикционными телодвижениями. Этологи видят в таком поведении не половой акт (который как таковой отсутствует), а его имитацию, направленную на достижение лидерства в стае. В тех же редких случаях, когда, как у макак, действия эти сопровождаются сексуальной стимуляцией, она никогда не замещает естественного влечения.

В природе не встречается вожаков, «опускающих» других самцов, и при этом теряющих интерес к особям противоположного пола. В природе не встречается живых существ, занимающихся биологически бессмысленным осеменением каловых масс.

В этой связи уместно отметить еще одну немаловажную деталь. По целому ряду анатомических и физиологических причин пенис животного не может проникнуть в анальное отверстие другого самца. Лишь человеку дано было открыть, что прямая кишка является эрогенной зоной, приближающейся по своей чувствительности к гениталиям. Иными словами, радости аналь-

ного секса теоретически доступны всем, и проблемность гей-пропаганды состоит в том, что она совершенно практически начинает втягивать человечество в свою клоаку.

В 2018 году в журнале «Journal of Sexual Medicine» были опубликованы результаты опроса взрослых мужчин (799) и женщин (718), жителей Квебека. Опрашиваемые заполнили анкету, указав свои сексуальные фантазии, а также описали в подробностях самую любимую из них.

«Один из самых неожиданных результатов, — пишет руководитель исследования Кристиан Жойаль (Christian Joyal), — частота таких мужских фантазий, как секс с шимейлом (существом, имеющим облик женщины и мужской пенис), анальный секс между гетеросексуалами, а также наблюдение за тем, как партнерша мужчины занимается сексом с кем-то еще. Эволюционная биология не может объяснить изобилие таких фантазий».

Но их как раз очень хорошо объясняет изобилие порно-продукции и гей-пропаганды, окружающее западного потребителя с первых дней сексуальной революции.

На этом фоне ЛГБТ-комсомольцы продолжают завоевывать все новые рубежи.

В XXI веке по странам Запада прокатилась волна признания гомосексуальных союзов в качестве брачных.

Ныне даже священники и раввины остерегаются высказываться против гей-парадов, а большинство населения поддерживают идею заключения брачных контрактов между однополыми партнерами, и даже их права на усыновление детей.

Причем выражение такого рода солидарности считается знаковым, т. е., служит чуть ли не главным признаком причастности человека к «разумному, доброму, вечному».

Любовь к гею (которого правозащитники «вывели из чулана», и который наделен теми же правами, что и «стрейты») сделалась первой заповедью новых левых.

ОКЛЕВЕТАННАЯ ТЕРАПИЯ

Однако мало кто замечает, что любить мы призваны не всех геев, а исключительно гордых. Если человек с гомосексуальными наклонностями от этих наклонностей не в восторге, то он должен сидеть в своем чулане до конца своих дней и помалкивать.

Прессой не афишируется, что дискриминации в наши дни подвергаются вовсе не гомосексуалисты, а так называемые «экс-геи», т. е., люди с гомосексуальными наклонностями, стремящиеся от них избавиться.

В мае 2020 парламент Германии одобрил закон, запрещающий программы лечения гомосексуальности у подростков (наказание — штраф до 30 тысяч евро и/или тюремное заключение сроком до года).

22 июля 2020 года в первом чтении аналогичный законопроект прошел в израильском Кнессете.

И это при том, что оказываемые подросткам (иногда моложе 13) медицинские услуги по трансгендерному переходу ни у кого возражения не вызывают.

10 июля основные социальные сети начали блокировать контент, упоминающий о терапии, направленной на изменение гомосексуальной ориентации. ^[40].

13 июля репаративная терапия была подвергнута резкой критике на заседании Совета ООН по правам человека. Эксперт ООН «по вопросу о защите от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности» Виктор Мадригал-Борлос призвал государства «вместе работать над глобальным запретом конверсионной терапии», методы которой он назвал «изначально дискриминационными, жестокими, бесчеловечными и унижающими достоинство, а в зависимости от степени жестокости, физической или психической боли и страданий жертвы, они могут быть приравнены к пыткам». «Среди наиболее популярных методов такой терапии, — физическое, психологическое и сексуальное насилие, электрошок, принудительное лечение, изоляцию и заключение, словесные оскорбления и унижения. Широко используется аверсивная терапия, когда у человека вызывают негативные, болезненные или неприятные ощущения при демонстрации стимула, связанного с его сексуальной ориентацией»^[41].

Раввины и политики от религиозных партий, иногда высказывающиеся в поддержку конверсионной терапии, яростно шельмуются прессой, а их заявления, что эта терапия бывает успешной, либо высмеиваются, либо игнорируются. Мировые СМИ, предоставляющие трибуну для подобной риторики, одновременно не подпускают к микрофону ни репаративных терапевтов, ни их пациентов.

Между тем, даже из того немногого, что содержится относительно этого метода в «Википедии», явствует, что заявление «эксперта ООН» является чистойшей клеветой.

Обратимся к статье из «Википедии», на которую, не решаясь на собственную оценку, ссылаются многие психологические и психиатрические ресурсы. Согласно «Википедии», ни «ужасными», ни «пыточными» методы репаративной терапии не являются:

«Репаративные терапевты убеждены, что гомосексуальность вызвана внешними причинами, а сама репаративная терапия имеет целью обнаружить те факторы в прошлом пациента, кото-

рые могли повлиять на развитие у него гомоэротических переживаний... Репаративные терапевты в разное время использовали различные подходы, однако на данный момент основной формой считается индивидуальное или групповое консультирование... Большая часть терапевтов придерживается религиозной доктрины и включает в методику религиозное обучение, молитву, пост или медитацию. Нерелигиозные методики включают в себя чтение, спорт или другие физические упражнения. Некоторые из этих методик (которые также применялись для лечения широкого спектра других психологических и психиатрических проблем) больше не используются, например, электросудорожная терапия (электрошок) и аверсивная терапия, которая включала в себя демонстрацию гомоэротических материалов пациенту с одновременным вызыванием у него тошноты и рвоты посредством медикаментов...»

Итак, «пыточные» методы, которыми Мадригал-Борлос пугает Совет по правам человека ООН, уже давно никем не используются. От аверсивной терапии ныне отказались даже и в той области, в которой она разрабатывалась — при лечении наркозависимости.

Репаративную терапию нельзя признать и неэффективной, на чем в категорической форме настаивают правозащитники. В «Википедии» на этот счет говорится следующее: «В последнее время появилось множество самостоятельных публикаций со стороны репаративных терапевтов и „экс-гей“ организаций, описывающих отдельные случаи переориентации с вероятностью успеха от 30% до 70%... Оппоненты критикуют определение успеха терапии, даваемое репаративными терапевтами: многие из пациентов по-прежнему ощущают однополое влечение».

Опять лукавство! Ни одно сексуальное (как, впрочем, и никакое другое психическое) расстройство не может быть излечено полностью. Желание эксгибициониста спустить с себя штаны при виде прекрасной незнакомки изменить также трудно, как и «ощущение однополрого влечения». Психические расстрой-

ства никогда не выправляются полностью, но лишь корректируются.

В этом плане любой «излеченный» невроз подобен освобождению от наркотической зависимости. Бывший наркоман в состоянии воздерживаться от некогда владевшего им дурмана, однако он всегда ощущает зияющую подле него пропасть, угроза провалиться в которую сохраняется.

Итак, на повестке дня очередное требование ЛГБТ-сообщества: полностью запретить — даже взрослым людям — — каким-либо образом пытаться изменить свою ориентацию с гомосексуальной на гетеросексуальную (обратный ход, разумеется, никаких нареканий не вызывает).

МЕДИЦИНСКАЯ СТОРОНА ВОПРОСА

Как уже отмечалось выше, понятие «перверсия» («половое извращение») стало использоваться в медицине в 70-х годах XIX века.

Отец сексопатологии — Крафт-Эбинг в своем исследовании «Половая психопатия» (1886) приводит сотни случаев, когда сексуальное удовлетворение достигается не традиционным, а преимущественно иным способом. Собственно патологическим этот способ признается в том случае, если он в значительной мере или полностью замещает потребность нормативного генитального соединения, а тяга к нему становится obsессивной. Некрофил, проникающий в морги и раскапывающий свежие могилы, испытывает патологическое желание не только по своей форме, но и по силе. Этому желанию труднее противостоять, чем здоровому.

Существует немало людей, готовых украсть, что плохо лежит, однако они всегда соотносят силу своего желания присвоить чужое с опасностью за это поплатиться. Клептомана отличает не только бесцельность присвоения, но и трудности контролировать желание.

Dr. R. v. Krafft-Ebing,

ординарный профессор психіатріи и нервныхъ болѣзней въ Вѣнскомъ университетѣ.

ПОЛОВАЯ ПСИХОПАТІЯ,

съ обращеніемъ особаго вниманія
НА
ИЗВРАЩЕНІЕ ПОЛОВОГО ЧУВСТВА.

Клинико-судебно-медицинскій этюдъ.
ДЛЯ ВРАЧЕЙ И ЮРИСТОВЪ.

Переводъ съ тринадцатаго дополненнаго изданія
д-ровъ мед. Н. А. Вигдорчика и Г. И. Григорьева.

(Dr. R. v. Krafft-Ebing. Psychopathia sexualis, mit besonderer Berücksichtigung der conträren Sexualempfindung. Eine klinisch-forensische Studie. Dreizehnte, vermehrte Auflage herausgegeben von Dr. Alfred Fuchs, Privatdozent für Psychiatrie und Nervenkrankheiten an der K. K. Universität in Wien. 1907).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе журнала „Практическая Медицина“ (В. С. Эттингеръ).

Улица Жуковскаго, 18.
1909.

Эту довольно ясную медицинскую картину сексуальным революционерам в последние десятилетия удалось существенно размыть. То, что во времена Крафт-Эбинга могло относиться исключительно к патологии, в конце XX века благодаря революционной идеологии и доступности порнографии стало достоянием простой распушенности.

Гомосексуализм, как никакое другое явление, способствовал стиранию грани между здоровьем и болезнью, поскольку исходно пестрит многообразием, способствующим распространению этой свежей мысли.

Действительно, среди гомосексуалистов имеются так называемые «истинные» гомосексуалисты, испытывающие влечение к своему полу без какой-либо биографической преамбулы, без какой-либо сомнительной «истории» в анамнезе. Встречаются гомосексуалисты с дефицитом тестостерона, подсевшие на его получение через прямую кишку. Имеется немало геев, пристрастившихся к однополую любви в подростковом и даже зрелом возрасте, будучи случайно вовлеченными в гомосексуальный контакт (насколько я понимаю, им в первую очередь адресована «конверсионная терапия»).

Наконец, комиссары ЛГБТ вписывают (для статистики) в свои ряды также и «ситуативных гомосексуалистов», т. е., лиц, переходящих на суррогатный секс в казармах и тюрьмах. Благодаря этим трюкам проблема дополнительно затушевывается, и грань между нормой и патологией благополучно стирается.

Поддавшись внушению, что гомосексуальное влечение столь же нормативно, как и влечение гетеросексуальное, недалёковидные сластолюбцы с легкостью убеждают себя в том, что прекрасным является также и любое их вожделение, и с гордостью следуют ему, все более разнообразя ассортимент своих половых фантазий сексопатологическими формами.

В сексе нет ничего истинного, в сексе все дозволено. Это незамысловатое, хотя и вполне метафизическое суждение полностью дезориентирует исходно вполне прагматическую психиатрию.

Легализация гомосексуализма в качестве «здоровья» явилась тем тараном, с помощью которого революционеры сокрушили врата Разума, и ворвавшись в подсознание просвещенных народов, водрузили там знамя сексуальной свободы, развевающее по ту сторону нормы и патологии.

Хартия этой свободы, насколько мне известно, неписаная, но она незамысловата, и сформулировать ее совсем не трудно:

«Человек волен совокупляться любым способом с любыми количеством (согласных на то) партнеров любого пола и любого возраста, любой степени родства и любого биологического вида, а также со всеми неодушевленными предметами, будь они реальные, изображаемые или воображаемые. Тот же, кто утверждает, будто бы удовлетворению сексуальных желаний кем-то могут быть положены внешние ограничения, пусть даже только в отношении его самого — ханжа и фашист».

Кто-то возразит, что относительно возраста автор преувеличил, что несовершеннолетние пока еще защищены от посягательств взрослых.

Действительно, это тот единственный параграф Хартии, борьба за который еще продолжается. Однако победа не за горами. Благодаря усилиям комиссаров сексуальной свободы поменять пол без разрешения родителей в некоторых странах позволено уже в 7-летнем возрасте. Но на каком тогда основании можно препятствовать этим малышам отдаваться кому им вздумается? Зачем пол было менять, если не для сексуального удовлетворения? Исключительно ради удобств мочеиспускания?

Как бы то ни было, отмыывание гомосексуализма в качестве «нормы», в качестве похвального «гендерного многообразия» наилучшим образом послужило достижению этого «идеала» — идеала наивысшего человеческого раскрепощения, сокрушающего базовые духовные ценности иудео-христианской цивилизации.

Идея вседозволенности сексуальных отпавлений легла в основу идеологии современного левачества. Сексуальная свобода — это единственная свобода, которую они оставили человечеству! Все же прочие (отклоняющиеся от генерального нарратива) человеческие устремления приравнены к фашизму.

Вслушаемся, как очаровательно определяет значение этого слова публицистка Ольга Крылова: «Фашизм — это уверенность, что мой народ и моя страна наконец-то встанут с колен, на которые они были поставлены коварными врагами. Это уверенность в том, что интересы моего народа и моего государства выше и важнее интересов моего личного мелкого и эгоистичного Я. Готовность отдать все, что есть, государству, народу. Нации. Готовность раствориться в этом „мы“. Прекрасном и великом, древнем и мудром. С богатейшей историей, героями, легендами и сказаниями, борьбой за независимость и величие. И становится так легко. Нет никакого выбора, не надо мучиться, рефлексировать, сомневаться»^[42].

Спору нет, нацисты с легкостью впишутся в предложенное Крыловой определение. Но при нынешней состоянии умов под

него подпадут также и решительно все вменяемые обитатели планеты, наделенные патриотическими чувствами! Ведь эти люди находят интересы своего народа полностью совпадающим с «интересом своего личного мелкого и эгоистичного Я».

Не растворяясь ни в каком «мы», они, когда требуется, «отдают все» за свободу своего народа с его «богатейшей историей, героями, легендами и сказаниями». Эти люди понимают, что для того, чтобы защитить свой дом, им необходимо его оставить и объединиться в воинские отряды под родными знаменами. Состояться без народа в качестве полноценного индивида можно только в качестве схимника. Но те индивидуумы, которые от идеи продолжения рода не отказались, хочешь — не хочешь, будут патриотами, будут любить свой народ с его «богатейшей историей, героями, легендами и сказаниями».

Однако поскольку «легенды и сказания» библейского происхождения Маркс, Мао и Маркузе находят «репрессивными», носителям этих легенд приходится числиться в фашистах, особенно, сионистам, у которых ничего другого за душой нет.

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

Но идеал идеалом, а болезнь болезнью. Пока сексопатология полностью не отменена как раздел психиатрии, вопросы остаются.

Отец советской патологической анатомии И. В. Давыдовский (1887—1968) пропагандировал идею, согласно которой никакой «патологии» (и соответственно, «нормы») не существует, но имеет место лишь снижение степени адаптации организма: если у человека развилась сердечная недостаточность, он все тот же человек, просто медленнее передвигающийся, если у него шизофрения, то он все тот же человек, просто хуже ориентирующийся.

Теория эта вызывала множество нареканий, в которые здесь нет места вдаваться, но она хотя бы была внутренне непротиворечива, и если бы ВОЗ воспользовалась разработками Давыдов-

ского, это еще как-то можно было понять. Но произвольно вычеркнуть из списка человеческих недугов лишь один из них — это такое оскорбление человеческого интеллекта, которое не все Homo Sapiens способны принять как должное.

Вечно оставаться в этом подмножестве в гордом одиночестве гомосексуалисты, конечно, не могли. В результате норма и патология устремились навстречу друг другу, устроив торжественную смычку в очередном каталоге сексуальных расстройств.

Летом 2018 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) опубликовала Международную классификацию болезней 11-го пересмотра (МКБ-11), из которой наряду с гомосексуализмом оказались удалены также и некоторые другие перверсии.

Повод гордиться собой пока получили представители не всех описанных Крафтом-Эбингом половых психопатий, но процесс пошел.

Так, например, расстройствами, по-прежнему, считаются эксгибиционизм и педофилия, но уже не фетишизм и садомазохизм. Последний, впрочем, с известной оговоркой: порка партнера признается полноценным эквивалентом ласки только в том случае, если она осуществляется с его согласия!

Нелепость этого фактора ошеломляет: согласие является юридическим, а не медицинским понятием, и ни при каких обстоятельствах не может служить признаком заболевания!

Согласно этой причудливой логике, желание садиста терзать любовника перестает быть патологическим, если он в состоянии это желание сдерживать. Ну а если он не сдержался? Если выпал не «суженному», а первому встречному? С какой стати это действие следует считать специфическим сексуальным расстройством, а не общим расстройством воли?

На каком основании «педофильное расстройство» остается расстройством даже в том случае, если больной умудряется его преодолевать, а обладающие такой же силой воли садо-мазохисты считаются здоровыми?

Здравый смысл уже давно не в состоянии угнаться за логикой правозащитников, однако психиатрия вынуждена сегодня этой логике следовать. В результате ее очередные «пересмотры» списка психических расстройств оборачиваются официальным документом, наделяющим моральной и юридической силой декларированную выше «Хартию сексуальной свободы».

«Хартия» эта, между тем, произвела в западном обществе поистине тектонические сдвиги. Сексуальные идеалы современного общества стремительно приближаются к патологическим рубежам, указанным Маркузе в его «Эросе».

Профессор Лонг-Айлендского Университета сексолог и психоаналитик Даниэль Кнафо в интервью газете Аарец (04.06.21), признала, что «мы живем в эпоху перверсий», самыми распространенными из которых она назвала садомазохизм, педофилию и инцест.

Склонности эти, по ее словам, формируются в первую очередь порнографией, к которой наши современники приобщаются уже в начальной школе. Каждое шестое посещение интернета является заходом на порносайты; 80% контента даркнета — это детская порнография, ценителями которой становится все более широкое число лиц, не страдающих клинической педофилией.

Кнафо приводит слова британского психоаналитика Бретта Карра, проанализировавшего сексуальные фантазии 23 000 нормативных мужчин и женщин: «если бы мы реализовывали свои фантазии, большая часть из нас оказалась бы за решеткой»^[43].

Неудивительно, что садомазохистские клубы, предлагающие своим посетителям широкий ассортимент плетей и кандалов, множатся ныне, как грибы, и становятся столь же легальными заведениями, как и гей-клубы.

Доверие общества к медикам и примкнувшим к ним политикам и журналистам столь велико, что массы людей всерьез уверовали в нормативность гомосексуализма, в правомочность гомосексуальных «браков», в возможность усыновления ими детей и даже их суррогатного производства.

Между тем, важно сознавать, что главной целью этой яростной борьбы за права «сексуальных меньшинств» является уничтожение «моногамного брака», уничтожение его как понятия; т. е., размывание самых базисных антропологических представлений, усвоенных человечеством из Библии!

Гомосексуализм явился тем троянским конем, тем десантом, следом за которым все прочие сексуальные аномалии врываются сегодня в нормативную романтическую сферу.

Маркузовская программа легализации половой психопатии с последующим разрушением института семьи и брака, как никогда близка к достижению своей цели. Этой цели не скрывал Маркузе, не скрывают ее и его последователи.

Так известная активистка ЛГБТ-движения Мария Гессен в одном интервью призналась: «Ежику понятно, что гомосексуалисты имеют право на создание брачных союзов, однако я также считаю не менее очевидным и то, что институт брака вообще не должен существовать... Борьбу за право геев вступать в супружеские отношения обычно сопровождает ложь о наших планах относительно института брака как такового уже после того, как мы достигнем цели. Дело в том, что мы лжем, заявляя, что институт брака останется неизменным. Ведь это вранье. Институт брака ожидают перемены, и он должен измениться. И, повторяюсь еще раз, он должен перестать существовать»^[44].

Здесь мы приблизились, наконец, к некоей тонкости, которая требует существенной оговорки.

Человек, испытывающий влечение к своему полу, заслуживает самого глубокого сочувствия. Нередко он пережил или переживает тяжелейший стресс, и не здоровым людям судить принимаемые им решения.

Излагаемая здесь позиция ни в коей мере не оспаривает право геев придерживаться своего образа жизни, в том числе, создавать свои клубы, воображать себя здоровыми людьми, обмениваться любовными посланиями и подписывать какие угодно брачные контракты.

Однако для государства юридическая сила этих контрактов не должна превышать юридическую силу декретов, подписанных людьми, воображающими себя Наполеоном! Никакая самоидентификация, сколь бы внутренне искренней она ни была, не может подтверждаться обществом автоматически.

Бесспорно, что какое-либо вмешательство общества в личную жизнь граждан, в том числе, геев, совершенно недопустимо. Однако недопустимо и обратное. Недопустимо, чтобы из-за психологических проблем некоторых людей разрушались базисные антропологические категории, чтобы «мужья» превращались в «супруга №1», «отцы» — в «родителя №2», а чье-то детство калечилось проживанием в сообществе из нескольких «отцов» или «матерей».

И то, что ситуация в развитых странах именно такова — величайшее завоевание неомарксизма. Невозможно провозгласить абсурд высшей мудростью в какой-то одной сфере и не затронуть другие. По успеху гей-движения ясно видно, что вирус марксистского безумия полностью порастил общественный организм.

В 1997 году психиатр Жерар Аардвег издал книгу «Битва за нормальность», в которой писал: «Очевидно, что подавляющее большинство людей по-прежнему считают, что гомосексуальность, т.е., сексуальное влечение к представителям своего пола в сочетании со значительным ослаблением гетеросексуального влечения, — это ненормально. Я говорю «по-прежнему», поскольку в последнее время мы столкнулись с активной пропагандой «нормальности» со стороны невежественных и ангажированных идеологов от политики и социальной сферы, которые управляют СМИ, политикой и огромной частью академического мира.

В отличие от социальной элиты, большая часть простых людей еще не утратили здравого смысла, хотя их и принуждают принять социальные мерки, предлагаемые эмансипированными гомосексуалами с их идеологией «равных прав». Обычные люди не могут не видеть, что что-то неправильно с теми людьми, кото-

рые, будучи физиологически мужчинами и женщинами, не чувствуют влечения к естественным объектам полового инстинкта. На недоуменный вопрос многих, как это возможно, чтобы «образованные люди» могли верить в то, что гомосексуальность — это нормально, возможно, лучшим ответом послужит высказывание Джорджа Оруэлла о том, что на свете есть вещи «настолько глупые, что только интеллектуалы могут верить в них». Этот феномен не нов: многие известные ученые в Германии 30-х годов начали «верить» в «правильную» расистскую идеологию. Стадный инстинкт, слабохарактерность и болезненное желание «принадлежать» заставляет их жертвовать независимым суждением»^[45].

Однако в XXI веке общество заметно сдало позиции по этому вопросу. Реформы, связанные с легализацией однополых браков, в странах Запада поддерживаются большинством населения. Что же касается общественных организаций, позволяющих себе отвергать правомочность таких союзов, то таковыми в настоящее время остаются лишь религиозные институты.

Разумеется, и религия всегда имела свои «издержки», проявляющиеся в фанатической нетерпимости к «инославию»; разумеется, и среди верующих и поныне встречаются идеологи, умудряющиеся превращать в нечистоты все, к чему бы они ни прикоснулись. С другой стороны, сегодня немало западных церквей пошли путем так называемой «внутренней секуляризации», которые реформировали в «духе времени» многие стороны общинной жизни, в том числе благословляют гейские браки.

Осенью 2020 года даже римский папа дал повод подумать, что католическая церковь готова двигаться в этом направлении. К счастью, в марте 2021 Ватикан внес в этот вопрос полную ясность, заявив, что «недопустимо давать благословение однополым союзам, поскольку брак является неразрывным союзом мужчины и женщины, заключаемым для рождения новой жизни»^[46].

Сегодня, когда психиатрия послушно повторяет мантры маркузовских политруков, особенно важно услышать нонкомфор-

мистский голос религии, услышать требования Синайского откровения, рассмотреть Великую Хартию сексуальных вольностей в свете ценностей, дарованных Богом человечеству на горе Синай.

ЧАСТЬ 3.

БИБЛЕЙСКАЯ СЕКСОЛОГИЯ

Очерк этот, по-видимому, следует начать с того, что религия Откровения хорошо знакома с Хартией сексуальной свободы, причем, не одно тысячелетие.

В книге Бытие мы читаем: «увидел Бог землю; и вот, она растлена, ибо извратила всякая плоть путь свой на земле. И сказал Бог Нюю: конец всякой плоти пришел предо Мною, ибо земля наполнилась злодеянием из-за них. И вот, Я истреблю их с землею» (Бытие 6:11).

Согласно мидрашу, окончательное решение Бог принял после того, как «извращение плоти» получило легализацию, после того, как человечество приняло это как норму, после того, как «люди стали писать брачные контракты для двух мужчин, и человека и животного» («Берешит Раба» 26:5).

Соответственно, после потопа Ной получил Семь заповедей, одна из которых касалась сексуальных взаимоотношений: Сынам Ноя были запрещены связь с замужней женщиной, с близким родственником, а также мужеложество и скотоложество.

Тем не менее, в том или ином объеме «извращение плоти» стало распространяться среди разных племен, причем, нередко в связи с культами растительных божеств.

Поэтому в дальнейшем, при заключении союза Бога с еврейским народом, заповедь чистоты супружеских отношений давалась в сочетании заповедями чистоты отношений религиозных: «Никто ни к кому из родственников по плоти не приближайтесь, чтобы открыть наготу... И с женою ближнего твоего не ложишься, чтобы излить семя, оскверняясь ею. И (никого) из детей твоих не давай проводить (пред) Молэхом, и не оскверни имени Бога твоего. И с мужчиною не ложишься,

как ложатся с женщиною: это мерзость. И ни с какой скотиною не допусти себе лежания, чтобы оскверниться ею; и женщина да не станет пред скотом для совокупления с ним: это гнусность».

В конце же этого перечня Всевышний сообщает: «Не оскверняйтесь ничем этим, ибо всем этим осквернялись народы, которых Я прогоняю от вас» (Левит 18:16–24).

Как мы помним, Маркузе строит свою теорию на основе греческой мифологии, на образах Эроса, Нарцисса и Орфея: «В отличие от культурных героев прометеевского ряда, в самую сущность героев мира Орфея и Нарцисса входит недействительность, нереалистичность. Они обозначают „невозможную“ установку и способ существования. Деревья и животные отвечают пению Орфея, весна и лес отвечают желанию Нарцисса. Эрос Орфея и Нарцисса пробуждает и освобождает потенции, живущие в вещах одушевленных и неодушевленных».

Маргинала Эроса Маркузе противопоставляет прагматику Прометею, и в рамках этого противопоставлению рушит построенную Прометеем цивилизацию. При этом, Библия в маркузовском исследовании полностью игнорируется, а христианство упоминается лишь вскользь, причем, опять же, в негативном качестве фактора, усиливающего «репрессивный» характер Западной цивилизации.

Желая этому своему оппоненту скорейшей эвтаназии, Маркузе даже не удостоил его полемики.

Восполним этот пробел, исследуем пути вождений и тропы похотей не с точки зрения греческого Эроса, а с точки зрения Бога Израиля.

Начать следует с того, что пути эти, столь четко проговоренные в «Хартии сексуальной свободы», с точки зрения Синайского откровения, попросту не заслуживают внимания. Как сказано в заповеди ношения кистей (цицит): «Вы вспомните все заповеди Господни и исполните их, и не будете следовать сердцу вашему и очам вашим, которые влекут вас к блудодеянию» (Числа 15:39). Иными словами, вы призваны игнорировать как «возвы-

шенно-феминистские», так и «низменно-маскулинные» позывы свободной любви.

Действительно, в той же мере, в какой поведение животного отличает целесообразность, поведение человека отличает осмысленность. В сексуальной сфере смысл заключается не в «становлении собой» путем отождествления себя с дежурной похотью, а прямо в противоположном — в контроле над ней, диктуемым человеческим достоинством, глубоко резонирующим с заповедями Творца. Практикующий верующий не может предъявить психоаналитику аномальных сексуальных фантазий, поскольку не дает им ходу.

Как писал Виктор Франкл, «человек — это существо, которое всегда может сказать „нет“ своим влечениям, которое не должно всегда говорить им „да“ и „аминь“. Это и есть то, что выделяет его из мира животных. Человек должен каждый раз идентифицироваться с влечениями (в той мере, в какой он желает их принять), животное идентично своим влечениям. У человека есть

влечения — животное само есть влечения. То же, что „есть“ человек — это его свобода, поскольку она присуща ему изначально и неотделима от него, в то время как то, что у меня просто „есть“, я вполне могу потерять»^[47].

Сексуальная свобода, таким образом, подразумевает полную утрату свободы человеческой, которая заключается в поисках смысла — в нашем случае, в поиске смысла человеческой сексуальности.

ДВЕ СТОРОНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

В Израиле, где библейские изречения постоянно на слуху, местные геи в качестве подтверждения своего равенства со «стрейтами» плаксивым голосом добавляют теологический, а не просто правовой аргумент: «Все люди созданы по образу Божию».

Довод этот нелеп и неуместен дважды. Во-первых, в природе не существует «гомофобов», которые бы отрицали, что какие-то отпрыски Homo Sapiens, будь они здоровые или больные, праведники или нечестивцы — созданы не по образу Бога.

А во-вторых, раскрывая смысл Божественного Образа, Тора как раз указывает на его принципиальную гетеросексуальность: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину — сотворил Он их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (Быт 1:27–28).

Впрочем, идеология ЛГБТ не просто «уравнивает» натуралов с геями, ныне уже провозглашается превосходство последних. Оказывается, гомосексуальные партнеры живут в большей гармонии друг с другом, нежели гетеросексуальные!

Так Джейн Уорд, профессор сексуальности и гендера Калифорнийского университета и автор книги «Трагедия гетеросексуальности», поведала, что такого рода отношения «трагичны» из-за присущего им неравенства.

В ходе исследований Уорд пришла к выводу, что гетеросексуальные женщины несут на себе основную тяжесть в отношениях между противоположными полами. Это неравное бремя привело к плохому обращению с женщинами, росту числа разводов и неудовлетворительной сексуальной жизни среди натуралов... Но ей также жаль гетеросексуальных мужчин, которые «прикованы к ядовитой мужской культуре, которая учит их, что они нуждаются в женщинах и, тем не менее, должны унижать их»^[48].

Между тем, суть брака, возможность брака держится именно на дополнительной по своему характеру несхожести переживаний, на их закрытости друг для друга, на ярко выраженном неравенстве полов.

Это положение подчеркивается библейской историей о произведении женщины из ребра мужчины.

Согласно этой истории, женщина была произведена из человека путем отделения. Причем, согласно простому смыслу текста, в результате этого отделения человек остался тем же самым человеком, а не претерпел каких-либо драматических морфологических изменений.

В традиции иудаизма существует, правда, взгляд, согласно которому до отделения женщины человек представлял собой андрогина, т. е., сочетал мужские и женские признаки. Однако не менее принятым, а главное, интересным и продуктивным, является альтернативный взгляд: человек (он же мужчина) в результате разделения остался тем же человеком (Всевышний лишь «закрыл место», из которого отделил женщину), в то время как произведенная от него женщина представляет собой существо новое и радикально отличное от этого первозданного человека («перестроил ребро»).

Женщина — это иной человек, иной род человека. При этом знаменательно, что половые различия не ограничиваются детородными органами, но охватывают всего человека целиком. Мужчина и женщина — это именно два различных человеческих существа. Половая принадлежность опознается уже в каждом изгибе человеческого тела, в каждом лоскутке его кожи. При-

чем, эти внешние различия являются как бы отражением и повторением различий душевных.

В. Розанов писал в этой связи: «Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между типичными качествами у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душою в ее идеале, завершении. И слова о „слиянии душ“ в супружестве, т. е., в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, „души сливаются“ у особей, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны (и от того дополняют друг друга) эти души! Мужская душа в идеале — твердая, прямая, крепкая, наступающая вперед, напиральная, одолевающая, но между тем ведь это все — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой... В психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится, как туман, захватывает собой неопределенно далекое; и, собственно, не знаешь, где ее границы. Но ведь это все предикаты ее органа и вообще половой сферы... Мужчина никогда „не наполнит ароматом“ весь дом: психика его, образ его, дела его — шумны, но „не распространяются“. Он — дерево, а без запаха; она — цветок, вечно пахнущий, далеко пахучий. Каковы души, таковы и органы!»^[49]

Это наблюдение вместе с тем невольно побуждает искать более глубокого проникновения в смысл пола. Розанов лишь констатирует факт. Но гораздо интереснее понять, в чем состоит «идея» мужского и женского родов? Что скрывается за его «твердостью» и «прямотой» — и за ее «мягкостью» и «размытостью»?

В этой связи уместно обратить внимание на то, что слово, которое обычно переводится как «ребро» («цела»), имеет также значение «бок» и «сторона»! Иными словами, мужчину и женщину можно представить, как две разные стороны одного прежнего человека.

Слова Библии можно понять в том смысле, что единый человек был разделен Всевышним так, что определенные его каче-

ства обособились и приняли независимое существование: один пол преимущественно оказался сильным, другой прекрасным, у одного преобладает разум, у другого чувства, один отражает явное в человеке, другой — сокровенное. Но корень этого разделения полов естественно усмотреть в том различии внешнего и внутреннего, которое явственно улавливается в рассказе о создании женщины из «стороны» человека.

Разъяв единую поверхность Первого Человека, Всевышний придал обособленное существование двум образовавшимся сторонам — внешней и внутренней.

Этому имеется одна наглядная аналогия: кольцо Мебиуса — односторонний предмет. Мы привыкли воспринимать его как перекручивание обыкновенной ленты, т. е., как превращение двустороннего предмета в односторонний.

Но представим себе обратную картину, представим, что первоначально существует кольцо Мебиуса, которое, очевидно, можно рассечь не только поперек, но и вдоль. А при известном способе продольного рассечения наша односторонняя лента превращается в два односторонних кольца, вдетых одно в другое!

Может быть, тогда мы лучше поймем то, что описывается в Торе, а именно, сотворение двух существ из одного, из «стороны» (единственной «стороны!») одного цельного существа.

Предмет, имевший одну сторону (поверхность), превращается в предмет, состоящий из двух сторон (поверхностей). Причем, обе эти стороны расщепляются и приобретают независимое существование. И тогда, увидев перед собой вынесенное во вне свое собственное сокровенное существо, мужчина восклицает: «Сей раз это кость от моих костей и плоть от плоти моей!» (Бытие 2.23).

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ЭМБРИОЛОГИЯ

На одном из ранних этапов эмбрионального развития животный организм (в том числе, и человек) представляет собой так называемую гастралу — полый шар, стенки которого образо-

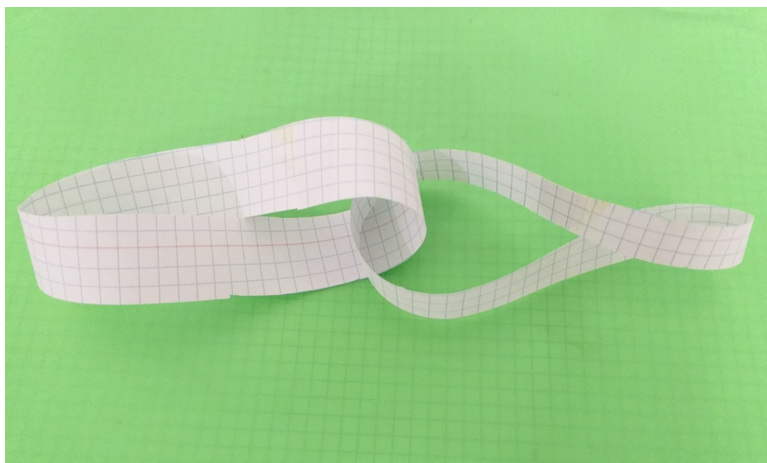
ваны двойным слоем клеток (он возникает за счет «впячивания» внутрь бластулы — однослойного шара).

Кожа и мышцы человека развиваются из эктодермы (внешний слой гастролы), в то время как внутренние органы развиваются из энтодермы (внутренний слой гастролы).

Половые органы формируются одними из последних, причем, и мужские, и женские — из одних тех же эмбриональных элементов, способных взаимопревращаться под воздействием гормонов.

Разительная несхожесть, комплементарность половых органов при том, что они имеют единую эмбриональную генеалогию, наводит на мысль, что сами они воспроизводят ту же логику двух поверхностей, которая ранее обнаружила себя в формировании эктодермы и энтодермы.

Возможно, этому и нельзя привести точного эмбриологического подтверждения, но на смысловом уровне вполне можно сказать, что так же, как ранее происходило образование эктодермы и энтодермы — так единая эктодерма расщепляется в мужском и женском существах на две поверхности: на внешнюю и внутреннюю. Мужчина — это внешняя сторона единого цельного человека, женщина — внутренняя. Их внешности выражают внешность «сторон», внешность «боков», т. е., внешность внешнего и внешность внутреннего. Половые органы — это как бы «шрамы», как бы места разрыва (прежде одностороннего «кольца Мебиуса»). И если для женщины это место соответствует поверхности всего того сокровенного сосуда, который принимает семя и вынашивает плод, то для мужчины это — его крайняя плоть.

При всей своей «явности» крайняя плоть, безусловно, весьма загадочное образование. Границы этого органа размыты и неуловимы, и при этом лишены какого-либо биологического смысла (о чем однозначно свидетельствует положительный медицинский аспект обрезания).

Единственный смысл, который можно усмотреть в этой оконечности мужского детородного органа — чисто метафизический: выворачиваясь наизнанку, она создает единую поверхность между мужским и женским телами (соответственно, обряд обрезания означает некое «вечное заклятие», т. е., пожизненное жертвенное рассечение единого брачного тела).

Стремление к интимной близости — это стремление двух обособленных сторон единого человека вновь воссоединиться, составить хотя бы на миг ту единую поверхность, которую имел первый человек.

Тот сокровенный сосуд, который, согласно нашей гипотезе, представляет собой «место разрыва», является полостью, т. е., оказывается как бы укрывшейся внутри внешнею поверхностью тела. Но коль скоро внешность женщины — это внешность внутреннего, то тогда этот сосуд оказывается внутренностью внут-

ренного, оказывается самой трансцендентностью.

Соответственно, те несколько линий, которые стягиваются к выходу из этого сосуда, образуют собой иную «крайнюю плоть», они знаменуют собой тот последний предел сокровенного, который еще дано воспринять извне. Однако при этом они также намекают на ту глубину, которая принципиально сокрыта от глаз, но открыта для того проникновения, благодаря которому восстанавливается единая поверхность. В этих линиях сосредотачивается та самая «загадочность», которая запечатлена уже в каждом движении, в каждом очертании женского тела.

В этом отношении замечание Розанова, что все устройство женского тела и ее души подобно устройству ее полового органа, осмысленно. Таким образом, позволительно сказать, что в каждой точке своего тела, и в детородном органе, в особенности, женщина выражает внутреннюю сокровенную сторону единого человека.

Соответственно, однополая любовная связь является такой имитацией восстановления единого существа, которая профанирует и ведет к крайнему обособлению.

ДУРНАЯ КОМПАНИЯ

Профанация эта дополнительно усиливается тем, что в сферу «деторождения» и предшествующих ему отношений как будто бы вмонтирована некоторая двусмысленность, некоторая амбивалентность. Детородная сфера исходно отмечена смешением «высокого» с «низким», чистого с нечистым.

Возвышенное и низменное, «верх» и «низ» — реалии в целом вполне однозначные. Так лицо человека прекрасно и публично. Глаза его открыто смотрят в глаза другого, а уста поглощают прекрасные плоды и изрекают остроумные и глубокомысленные суждения.

Между тем — противоположный лицу — скажем так, тазовый комплекс, с которым связаны выделительные органы, не столь

привлекателен, и в норме его тщательно скрывают от посторонних глаз.

Но деторождение, казалось бы, исходно не наделенное каким-либо негативом, в то же время оказалась прочно связана с «низом». У мужчин половая функция самым тесным образом увязана с функцией выделительной, увязана до такой степени, что обе они объединены в так называемую «мочеполовую систему».

Со своей стороны, женщины страдают не украшающими их ежемесячными выделениями. Парадокс этот в следующих словах формулируется в Талмуде: «Женщина подобна бурдюку, полному нечистот, из устья которого сочится кровь, — однако она желанна всякому» (Шаббат 152.а).

Итак, месторасположение половых органов невольно задает их общий «низкий» эйдетический статус.

Цветы растений, являющиеся аналогами человеческих гениталий, не стыдно поставить на самое видное место. В то же время, первым порывом вкусивших от запретного плода наших прародителей, было желание скрыть свои детородные органы. А ведь согласно устной Торе, до той поры Адам и Хава уже использовали их по назначению. Может быть, дело здесь не только в обретении (при вкушении от древа познания) рефлексии, а в какой-то более глубокой — связанной с грехопадением — трансформации, в результате которой детородные органы оказались в изгнании, оказались в компании самых презренных человеческих членов — выделительных?

Исходно чистая и благородная функция дарования жизни оказалась скомпрометирована своей близостью к однозначно неприглядным отправлениям. В результате половые органы стали даже задавать основной тон в фольклорном комплексе, прозванном Бахтиным «материально-телесным низом».

Любовные отношения исходно сложны и опасны, в них заключены бездны и выси. С одной стороны, они сверкают чистотой высокогорного снега, но с другой, никуда больше невозможно навалить столько грязи, сколько в эти отношения.

И месторасположение играет в этом сложном комплексе не последнюю роль.

Людская любовь поэтому осуждена на амбивалентное смешение высокого и низкого, что в значительной мере проявляется в различных формах сексуальной зависимости, прежде всего, связанной с насилием. Ласки и истязания переплелись в этой сфере, как деторождение и испражнение.

Мишель Фуко, по-видимому, был прав, заявив, что садизм — это не «практика древняя, как Эрос», а «крупный культурный факт, появившийся как раз в конце восемнадцатого столетия».

Усилиями правозащитников и комиссаров от психиатрии, садизм сделался не просто крупной, а в высшей степени легитимной и даже респектабельной формой сексуальности, во всяком случае, в тех случаях, когда садист находит свою половину в лице мазохиста.

Наравне с речью сексуальность — это некоторая последняя подлинность человека, то самое его ядро, которое определяет его вечность. Каким человек сформировал себя в своих сексуальных отношениях — таково его нутро, таково его непосредственная натура, таков он сам. Если он сплавил любовь с ненавистью, а восхищение с презрением, если он отравил свой колодец, если посадил цветы бутонами вниз и корнями вверх, он может прожить долгую и по-своему счастливую жизнь, у которой, между тем, не будет много шансов продолжения в мире грядущем.

ЕСТЕСТВЕННАЯ МАГИЯ

Рассмотрение ограничений, накладываемых Синайским откровением на половую жизнь человека, по-видимому, следует начать с напрасного семяизвержения.

В Торе сообщается, что Онан умер безвременно за то, что сознательно изливал семя на землю (Быт 38:8), а также, что мужчина, изливший семя произвольно, оказывается в состоянии ритуальной нечистоты, т. е., не вправе в тот день входить в Храм (Левит 15:16–21).

Как это можно понять?

Виктор Франкл разъясняет нравственную сомнительность онанизма в следующих словах: «Мастурбация — это, конечно, не болезнь, не причина для заболевания; скорее, это признак нарушения развития или извращенного отношения к любовной жизни. Ипохондрические мысли о тяжелых последствиях мастурбации необоснованны. Но „похмелье“, которое обычно наступает после акта мастурбации, имеет причину, совершенно не связанную с этими ипохондрическими мыслями. В основе подобного похмелья лежит то чувство вины, которое приходит к человеку каждый раз, когда он, избегая активной, направленной сексуальной жизни, стремится к пассивным, ненаправленным сексуальным переживаниям. Мы уже назвали этот вид бегства основным мотивом одурманивания. Поэтому тем более важным представляется то, что за мастурбацией — как и за выпивкой — следует состояние похмелья»^[50].

Однако религия обнаруживает еще один аспект пагубности онанизма. Семя вырывается из мужчины для того, чтобы зачать, чтобы дать жизнь. Его потенциал огромен и в том случае, если семя, попав в женщину, никого не порождает, оно творит ангела. Так, согласно мидрашу, все свои долгие неплодные годы Авраам и Сара творили души прозелитов.

В том же случае, если семя истекает на сторону, оно порождает «посторонних» ложных духов. Энергия, вышедшая из мужчины вместе с его семенем, не может ничего не оплодотворить, не может ничего не породить. В сексе «холостых выстрелов» не бывает: семенная жидкость, изливающаяся в любое другое место, кроме того, в котором оно способно зачать человека, začínает демона.

Более того, в отличие от всех прочих случаев уничтожения семени, онанизм обладает собственным только ему одному присущим пагубным качеством, а именно, апелляцией к магии. Онанизм по существу можно признать разновидностью колдовства.

В самом деле, если мы задумаемся над тем, что представляется из себя онанизм, то убедимся, что являясь, с одной стороны,

вроде бы чисто психологическим и физиологическим феноменом, с культурной и религиозной точки зрения он оборачивается откровенно магическим актом, пожалуй, самым наглядным примером имитационной магии. Ведь онанист манипулирует не с реальной женщиной, а с ее образом, иными словами, онанист занимается ровно тем же самым, чем занимается маг. Существует, правда, инфантильный онанизм, не предполагающий какой-либо «внешний объект». Однако если говорить об онанизме здоровых взрослых людей, то он неизбежно оказывается спонтанной, физиологической магией. Более того, магией, раскрывающей внутренний смысл других магических действий: любая магия – это своего рода духовная мастурбация.

Не удивительно поэтому, что увлечение этим на первый взгляд невинным занятием может повлечь за собой, как утверждает религия, самые тяжкие последствия, в частности, гибель потомства.

Онанизм, таким образом, можно признать неким базисным пороком, к которому можно свести значительное число других нарушений сексуального характера.

Действительно, эксгибиционизм, фетишизм, скотоложество, гомосексуализм и т. п. запрещены уже на том основании, что сопровождаются уничтожением семени.

Рассмотрим теперь осмысленность других запретов, не сопровождающихся напрасным излиянием семени – прежде всего, запрещение кровосмешения и адюльтера.

КРОВОСМЕШЕНИЕ

Один из властителей дум XX века Зигмунд Фрейд очень хорошо поработал на ниве легализации инцеста. В частности, он писал: «Очевидно, святое – это нечто, чего нельзя касаться. Впрочем, запрет на священное аффективно усилен, собственно говоря, без рационального обоснования. Ибо почему, например, инцест с дочерью или с сестрой должен являться особо тяжким преступлением, гораздо более гнусным, чем любое другое сек-

суальное сношение? Ответ на вопрос о таком обосновании гласит, что этому противятся все наши чувства. Но это означает только, что запрет считается само собой разумеющимся, что его можно не обосновывать. Никчемность такого объяснения обнаруживается достаточно легко. То, что якобы оскорбляет наши самые святыя чувства, было общепринятым обычаем, можно сказать, священной привычкой в знатных семьях древнего Египта и у других древних народов.

Вы не без улыбки вспомните высказывания науки по поводу причин запрета инцеста. Чего только тут не придумали! Что вследствие совместной жизни в детстве половое влечение не должно направляться на членов семьи другого пола, или что во избежание вырождения биологическая тенденция должна найти свое психическое выражение во враждебном отношении к инцесту! При этом совершенно забывают, что в таком неумолимом запрете законом и обычаями не было бы необходимости, если бы против инцестуозного искушения существовали какие-либо надежные естественные ограничения. Истина в противоположном. Первый выбор объекта у людей всегда инцестуозный, у мужчины направленный на мать и сестру, и требуются самые строгие запреты, чтобы не дать проявиться этой продолжающей оказывать свое действие детской склонности».

Допустим, но почему же тогда даже в наше время — после всех грандиозных завоеваний сексуальной революции, инцест продолжает вызывать у людей устойчивое отвращение? Что поддерживает его легализацию, которой уже десятилетия добиваются многие правозащитники? В чем здесь дело?

По-видимому, в том, что инцестуозные связи разрушительны по отношению к фундаментальным человеческим ценностям, потому что запрет на них действительно является «само собой разумеющимся».

Что поделать, подавляющее число людей испытывают отвращение к половому соитию со своими близкими родственниками. И при этом они воспринимают эти негативные чувства не как дань «обычаям» (которыми в других случаях они могут совер-

шенно пренебрегать), а как что-то совершенно неприемлемое в своей основе. Отвращение к инцесту настолько глубоко укоренено в природе человека, что оно как раз не нуждается в поддержке «самых строгих запретов». Отвращение к инцесту никому искусственно не прививается, ибо это отвращение в буквальном смысле слова впитывается с молоком матери.

Для того чтобы разъяснить этот тезис, обратимся еще раз к великому адвокату кровосмешения Зигмунду Фрейду, который считал сосание материнской груди квазисексуальным актом: «Первые сексуальные побуждения у грудного младенца проявляются в связи с другими жизненно важными функциями. Его главный интерес направлен на прием пищи; когда он, насытившись, засыпает у груди, у него появляется выражение блаженного удовлетворения, которое позднее повторится после переживания полового оргазма».

Однако это утверждение может вызвать недоумение. В самом деле, если исходить из того, что кормящая мать переживает с младенцем некое общее состояние (аналогично тому, как она переживает общее состояние с мужчиной в момент интимной близости), то по ней очень просто установить, что в кормлении сексуальный компонент как раз полностью отсутствует. Оставаясь «эрогенной зоной», женская грудь в момент кормления воспринимает своего «партнера» совершенно иначе.

Так же как и ее младенец, мать испытывает определенное наслаждение от того ощущения телесного единства, которое у нее возникает при кормлении, но при этом она решительно отличает это единство с младенцем от того рода единства с супругом, которое привело к рождению младенца. Но тогда тем более трудно охарактеризовать как «сексуальные» переживания самого младенца.

В том-то и дело, что отношения матери и ребенка внесексуальны, уникальны и не имеют аналога. Именно из страха разрушить эти отношения мать и сын шарахаются от сексуальной связи как от предельно мыслимой порчи. Близкие чувства испытывают мужчины и женщины, рожденные от одной матери,

отношения между которыми складывались с младенческих лет. Братья и сестры наделены некой ценнейшей уникальной связью, которая не может безнаказанно совмещаться с другой уникальной связью — сексуальной.

Повзрослев, ребенок, разумеется, может отметить сексуальные достоинства своих ближайших родственников, он может даже испытать по отношению к ним сексуальное вожделение. Однако это не значит, во-первых, что та причина, по которой он от этого вожделения отшатнется (в терминах Фрейда, осуществит «вытеснение»), ему навязана извне, а во-вторых, что само это вожделение восходит к первым дням его существования.

«Само собой разумеющееся» отвращение к инцесту коренится в элементарном осознании своей индивидуальности, осознании, которое обще людям всех культур. Таким образом, вступать в кровосмесительную связь было бы непозволительно даже в том случае, если бы запрет на эту связь не провозглашался Той.

ПО ТУ СТОРОНУ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

В самом деле, в природе родственной связи лежит чувство непосредственного обладания своим близким.

Особенность взаимоотношения между родителями и детьми, между братьями и сестрами состоит в том, что они принадлежат друг другу, что, являясь с одной стороны независимыми индивидами, с другой стороны они продолжают индивидуальность друг друга (разумеется, не на биологическом, а на социально-культурном уровне).

Сексуальная связь является уникальной возможностью приведения заведомо иной, чужой индивидуальности к индивидуальности собственной. Но смысл этого сближения состоит в том, что индивидуальность должна быть именно иная (никого, например, не удивляет, что не существует такой перверсии, такого сексуального извращения, при котором бы человек вождедел какую-нибудь часть собственного тела; онаниста при-

влекает отнюдь не собственный кулак, а воображаемая женщина).

Итак, сексуальная связь по самим своим основам обращена на иного. Когда же этим «иным» становится тот, кто на культурно-социальном уровне является самим собой, является продолжением тебя, то эта сексуальная связь с ним не может не восприниматься как саморазрушение, как сексуальная шизофрения, как отрицание собственных индивидуальных основ.

Те отношения, которые складываются между родителями и детьми, между братьями и сестрами — неповторимы и самодостаточны. Но именно поэтому они абсолютно несовместимы с другого рода уникальными отношениями, предполагающими сексуальную близость, отношениями, которые могут складываться исключительно с иной индивидуальностью.

Связь женщины с ее ребенком столь же глубока, как и ее связь с мужем, но это принципиально иная связь. Тот, кто имеет такую связь, тот, кто ею дорожит, не может не отшатнуться от своих случайных вожделений, если они в нем вопреки всему появятся.

При этом вероятность того, что такое вожделение возникнет с обеих сторон, настолько мала, что инцест практически всегда сопряжен с насилием, что дополнительно характеризует его как крайнюю форму моральной деградации.

Но не менее пагубными в иудаизме считается также и связь с замужней женщиной.

СУПРУЖЕСКАЯ НЕВЕРНОСТЬ

В Торе сказано: «Если найден будет кто лежащим с женою замужнею, то да умрут они оба: человек, лежащий с этой женщиной, и женщина эта, и истребишь ты зло из Израиля» (Втор 22.22).

Согласно талмуду, для вынесения смертного приговора должно быть выполнено столько формальных условий, что казнить кого-либо за супружескую неверность даже и в древности

было почти невозможно. Вместе с тем, изменницу ожидают другие последствия: неверная жена становится запрещена как для своего мужа, так и для своего любовника, а ее дети, зачатые от кого-либо из них (после измены), будут считаться незаконными, что лишает их возможности вступить в брак.

Тем не менее, легко заметить, что ситуация эта не симметрична, что мужская и женская измена представляются Торой как два совершенно разных явления. Если женатый мужчина вступает в интимные отношения со свободной женщиной, то хотя его поступок и будет осуждаться иудаизмом, за него не только не положено наказания, но он даже не влечет обязательного расторжения брака. Жена вправе решать, продолжит ли она сожительство с неверным супругом, или оставит его.

Более того, Тора разрешает мужчине брать вторую жену: «Если будет у кого-либо две жены, одна любимая, а другая не любимая...» (Втор 21.15).

И все же трудно сказать, что Тора считает многоженство нормальным явлением. В браке существенно то, что в нем участвует именно двое, что это пара, как сказано: «И станут двое одной плотью».

И неудивительно, что практика многоженства была оставлена еще до написания Талмуда (ни один из составителей которого не имел вторую жену), а в X веке и вовсе запрещена. Допуская многоженство, Тора просто идет навстречу человеческой слабости, как она делает это и в некоторых других случаях.

Тем не менее, само это допущение многоженства явно показывает, что Тора совершенно по-разному относится к мужской и женской измене.

Но почему? Почему одно и то же преступление сурово наказывается в том случае, если оно совершено женщиной, и практически никак не наказывается в том случае, если оно совершено мужчиной? Что значит эта асимметрия? Почему еврейский брачный союз не разрушается в своей основе изменой мужчины, но разрушается изменой женщины? Опираются ли эти требования на какие-то природные особенности супружества, или

это чистый произвол Создателя, суровый и непостижимый, но с которым мы должны считаться?

Несомненно, что природные качества пола в этом законе учитываются. Дело в том, что женщина является покаяющейся составляющей брачных отношений, а мужчина подвижной. Причем, эта особенность пронизывает все уровни. Действительно, именно женщина, а не мужчина является той персоной, которая «задает» брак. В супружестве мужчина находится при женщине, а не наоборот, как может показаться на первый взгляд. Статической, покаяющейся стороной брачных отношений, носительницей супружества и его вдохновительницей является именно жена.

В своей работе «Органопроекция» русский философ Флоренский показал, что все, созданное человеком, является продолжением каких-либо его органов: «Наши руки и плечи, в сущности, вся фигура в целом проектируется в технику, как обыкновенные весы; чашки весов соответствуют ладоням несколько простертых рук, когда мы прикидываем на руках, какой из двух грузов тяжелее, коромысло — рукам, голова — стрелке, ноги — опоре весов. Когда мы вешаем грузы на руках, то, как всякий мог заметить, мы представляем собою весы... Рука, или как поверхность, или как схватывающая пальцами, или как сжимающая, „есть мать всех орудий, совершенно так же, как осязание есть отец всех ощущений...“ Гладило для разравнивания, утюг, станки шлифовальные и полировальные для дерева, металла, стекла, камня, включительно до бриллиантово-гранильных машин и до приспособлений шлифовать оптические линзы — все это ладонь руки, одна и та же ладонь, то согнутая, то распрямленная, то чрезвычайно увеличенная, то, напротив, весьма уменьшенная».

При этом, дом, по Флоренскому, является продолжением всего человеческого тела в его цельности и совокупности: «Чего же есть проекция жилища? Что именно им проецируется? По замыслу своему жилище должно объединять в себе всю совокупность наших орудий — все наше хозяйство. И если каждое орудие порознь есть отображение какого-либо органа на-

шего тела с той или другой его стороны, то вся совокупность хозяйства как одно организованное целое есть отображение всей совокупности функций органов в их координированности. Следовательно, жилище имеет своим первообразом все тело в его целом».

При этом, однако, мыслитель не обратил внимания на то обстоятельство, что дом, в сущности, является продолжением именно женского тела.

Нет выражения «хранитель очага», но лишь выражение «хранительница очага». А в традиционных еврейских текстах слово «дом» часто подразумевает «жену».

Одинокый (но непременно одержимый каким-то делом) мужчина сам по себе не нуждается ни в женщине, ни в жилище. По своим исходным «природным» установкам, мужчина — это вольный охотник, это следопыт, который может годами спать на земле, положив под голову камень, и не вспоминать о «прекрасном поле». Однако стоит этому вольному охотнику

на минуту отвлечься от любимого дела, стоит ему растянуться в мягкой постели, как в нем немедленно начнет просыпаться желание.

Мягкая постель, перина воспринимается как продолжение именно женского, но никак не мужского тела. Но таков в пределе и весь дом. Дом — это продолжение именно женщины, которая не может жить без дома, которая автоматически обустривает место своего обитания и придает ему свое очарование, как сказано: «Мудрая жена устраивает свой дом, а глупая разрушает его своими руками» (Мишлей 14.1). Мужчина помогает женщине создавать дом, но он чувствует его своим по-настоящему только через жену.

По всей видимости, Тора опирается именно на эту природную данность, когда провозглашает принципиальную асимметрию мужской и женской измены. Мужская измена в принципе может быть прощена по усмотрению женщины, измена женщины — это разрушение основ, которое (еврейский) мужчина простить не властен.

И это особенно видно, опять же, из аналогии с домом. Владение двумя домами выглядит лишь избыточной роскошью, в то время как проживание в одном доме двух хозяев просто лишает дом его прямого исконного смысла. «Коммуналка», так же как и тюремная камера, не является домом по определению. Так же и мужчина, женатый на неверной жене — не женат по определению, и галаха требует, чтобы он прекратил с ней всякую интимную связь.

Суженные подходят друг к другу, как ключ и замок. В свете этого образа можно признать удачной шутку, что ключ, отпирающий много замков — хороший ключ, а замок, отпирающийся многими ключами — плохой замок.

Ключ, отпирающий много замков, скорее следует назвать не ключом, а отмычкой, так что похвалы в его адрес не вполне уместны. Но требования к замку именно таковы. Его должен отпирать только мастер-ключ. А дом без хорошего замка рано или поздно будет расхищен. В рамках теории органопроекции доб-

ротный замок будет соответствовать скорее бесплотной морали, чем какому-либо соматическому органу.

Хотя мужчине (или лучше сказать, природе мужчины) Тора позволяет проявлять многовалентность, женщине пристало оставаться одновалентной. Виктор Франкл пишет в этой связи: «Женщину обычно осуждают за супружескую измену гораздо более строго, чем мужчину. Возможно, несправедливость такой двойной морали только кажущаяся. Потому что с психологической точки зрения отношения полов к сексуальной жизни существенно различается. Аллерс, например, подчеркнул это различие в следующей формуле: мужчина отдается любви, женщина отдается в любви»^[51].

ЕДИНОБРАЧИЕ

В пользу моногамности, наконец, говорит, сама природа сексуального чувства, сексуального постижения.

В Иерусалимском Талмуде сказано: «В грядущем мире с каждого, кто видел и не ел того, что желали глаза его — спросится». Другими словами, еврей призван перепробовать все разрешенные к употреблению пищевые продукты и за каждый из них возблагодарить Создателя. Но почему тогда в сексуальной сфере он должен довольствоваться одной-единственной женщиной?

Почему человеку — сыну Ноя — ничто не препятствует попробовать на вкус любого зверя, но желание с ним совокупиться у него не возникает? Почему по естеству человек не видит своего сексуального партнера в любом предмете внешнего мира, хотя еще более интимно общается с ними в пищеварении? Что означает эта комплементарность оргазма и аппетита?

Чувство вкуса, разумеется, тоже не универсально: даже если кому-то удастся разжевать алюминиевую вилку, «металлический вкус» во рту он все равно почувствует не раньше, чем заболит гастритом. Но возможности сексуального чувства в этом отношении гораздо более ограничены.

Сексуальная революция принесла в наш мир еще одно слово — «пансексуальность». По определению некоего словаря — это «способ обойти двойственности и эссенциализм „би“. Некоторые люди, идентифицирующие себя как бисексуалы, имеют влечение к людям, не являющимся ни мужчинами, ни женщинами как в плане их биологического пола, так и в плане их гендерной идентичности (например, интерсексуалы, транссексуалы, гендерквир и др.). Некоторые определяют бисексуальность как влечение к людям более чем одного пола».

Какая обескураживающая бескрылость! Какая бедность чувственного воображения! Казалось бы, «пан» — так действительно «пан»! Желай все, что движется, и все, что покоится.

Согласно одному индуистскому мифу, животный мир возник в результате любовной игры каких-то божеств: богиня укрывалась от объятий пылко преследующего ее божества, принимая каждый раз облик какого-то иного животного, он же изобретательно превращался в соответствующего самца. В результате этой погони и возникло все многообразие видов. Можно было ожидать от термина «пансексуальность» чего-то в этом роде, но оказывается, что даже и у самых отможенных извращенцев в этой области имеется зримый предел!

Итак, если увидеть и пощупать мы можем всякое тело, а на вкус попробовать практически любое существо, то сексуальный предмет мы воспринимаем до такой степени избирательно, что нам просто в голову не приходит рассматривать сексуальность как отдельный способ постижения внешнего мира. Людям проще считать сексуальное возбуждение «распалением» собственных эрогенных зон, чем способом постижения другого. Но ведь тогда и зрение — это не более чем «распаление» зрительных рецепторов, а слух — слуховых!

Селективность сексуального чувства — это совсем не повод, чтобы лишать его статуса отдельной познавательной способности, однако это повод задуматься над его странной природой.

Таким образом, уже в самом сексуальном влечении угадывается та самая «система», которая стоит за обилием запретов Тора в сфере интимных отношений. Сам человек не испытывает сексуального вожделения ни по отношению к березам, ни по отношению к минералам. Самые смелые сексуальные перверсии распространяются на некоторые виды млекопитающих, и вот тут как раз Тора решительно вмешивается, дополнительно сужая селективные тенденции секса, направляя природу этого чувства в русло полной уникальности.

«Никто ни к кому из родственников по плоти не приблизьтесь, чтобы открыть наготу... И с женою ближнего твоего не ложись, чтобы излить семя, оскверняясь ею... И с мужчиною не ложись, как ложатся с женщиною: это мерзость. И ни с какой скотиною не допусти себе лежания, чтобы оскверниться ею; и женщина да не станет пред скотом для совокупления с ним: это гнусность» (Левит 18:6–27).

Сексуальное чувство призвано быть именным чувством, призвано существовать исключительно в рамках устойчивого брачного союза. Любой шаг этого чувства в сторону расценивается как угроза самим основам человеческого бытия.

Слова благодарения: «Благословен Ты, создавший человека по Своему образу», — произносятся не тогда, когда человек появился на свет, не тогда, когда ему делают обрезание, а когда он становится со своей нареченной под свадебный балдахин. Только в это мгновение создается человек, только в этот момент возникает его критическая масса.

То, что «брачными» в Западном мире стали официально именоваться гомосексуальные отношения — мощнейший удар по человеческому роду. Цель неомарксистских сексуальных реформ состоит не в том, чтобы якобы кого-то «приравнять» в правах, а в том, чтобы лишить человека права считаться человеком, — человеком, который состоит таковым в брачном союзе между мужчиной и женщиной.

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Между тем, союз между мужчиной и женщиной не только обеспечивает человеческое существование, он также является образом союза с Богом, является основой религиозного союза.

Действительно, в христианстве, славящимся своим тяготением к целибату, брак признается церковным таинством, т. е., в самой повседневности супружеской жизни христианской традицией усматривается путь постижения Бога, способ связи с Ним.

В Католическом катехизисе сказано: «Поскольку Бог создал человека мужчиной и женщиной, их взаимная любовь становится образом абсолютной и нерушимой любви, какой Бог любит человека. Она является благой, более того, очень благой в глазах Творца»^[52].

«Для человека супружеская любовь и религия неразделимы. — утверждает Сведенборг. — Каждый шаг, сделанный из религиозных побуждений и ради веры, есть также шаг, сделанный ради супружеской любви и во имя супружеской любви» (80).

Это положение в еще большей мере проступает в иудаизме.

В Святая Святых Иерусалимского Храма располагался ковчег завета, на крышке которого были расположены два золотых Керува (херувима), имеющие облик мальчика и девочки подросткового возраста.

Как сообщается в Талмуде: «...когда народ Израиля приходил (в Иерусалим) на праздники, открывали перед ними завесу Святая Святых и показывали им обнимающихся друг с другом Керувов. И говорили им: вы видите, ваша связь с Богом дорога, как связь мужа и жены» Йома (54.а).

Эти слова перекликаются с известным изречением рабби Акивы: «Целый мир не стоит того дня, в который Песнь Песней была дана Израилю, ибо все писания (ктувим) Святы, а „Песнь песней“ — Святая святы» (Ядаим 3:5).

О подобии союза Израиля с Богом брачному союзу говорят также и пророки («Я простер крыло Мое над тобою, и покрыл наготу твою, и поклялся тебе, и вступил в союз с то-

бой — слово Господа Бога — и ты стала Моею» (Иехезкель 16.8–9).

Учитывая, что языческие культы древности, в первую очередь, культы плодородия — были буквально пронизаны сексуальностью; учитывая, что трудно найти древний народ, религиозность которого периодически не проявляла бы себя в разнообразных оргиастических культах, последнее утверждение требует уточнения.

Чем, в конечном счете, отличается культ Бога Живого от культа той же Афродиты?

На первый взгляд различие может показаться чисто количественным: если влюбленные Керувы лишь украдкой соприкасаются крыльями, то вершиной оргиастического культа является разнузданное и беспорядочное совокупление всех со всеми.

Однако между этими количественными различиями пролегает качественная сущностная пропасть: одно любовное чувство направлено к ядру личности, другое — к ее второстепенным покровам. Одно чувство фокусируется на индивидуальном челове-

ческом лице, второе — на его родовых членах. Одно чувство строится на неповторимости и уникальности, второе на преодолении всех границ, на всеобщем смешении (латинское слова «сатура», от которого происходит сатурналии, означает смесь).

Но именно потому, что Божественная личность и лица супругов различены, при всей заявленной выше тождественности этих сфер — супружеской и религиозной — они в то же время и строго разделены.

Так, мужчины и женщины молятся отдельно; в спальняй комнате не должны находиться священные тексты, а при даровании Торы Моисей «сказал народу: будьте готовыми к третьему дню, не приближайтесь к женщине» (19:15). То обстоятельство, что Моисей полностью отказался от супружеской жизни, объясняется традицией тем, что он находился с Богом в online отношениях.

Что скрывается за этим требованием строгого разделения сфер?

По-видимому, сама суть любовной связи. А именно ее интимность, ее сокрытость от посторонних глаз. Любовная связь, предельно сближающая любящих, одновременно бесконечно отдаляет их от всех прочих существ. Любовь — это акт подчеркнута эгоцентрический, предельно изоляционистский акт, акт, в котором человек до конца постигает, что ради него создан мир, что он и есть весь этот мир.

Нигде и ни в чем человек так не утверждает свое «эго», как в супружеской любви и в семейной жизни. Верность своему партнеру, как ничто другое, культивирует верность себе самому.

В брачных отношениях любовь, то есть, стремление дарить себя самого другому, достигает своего апогея. Но именно поэтому на первый план в этих отношениях выдвигается стремление дарить именно себя.

Сестры милосердия жалеют раненых и самоотверженно проводят ночи у их постелей. Однако, стремясь облегчить страдания раненого, медсестра не переживает, если вместо нее это сделает кто-либо другой. Главное, чтобы другому человеку было хорошо.

Но в супружеской любви главное не только это, в супружеской любви не менее важно также и то, чтобы хорошо человеку было именно с нами.

Вменяемая женщина никогда не удовлетворится ролью не только четвертой, но даже и первой жены. По-настоящему ее может устроить лишь роль жены единственной. Со своей стороны мужчина, желая своей возлюбленной счастья, ревностно следит за тем, чтобы это счастье ей преподнес именно он, а не какой-либо другой мужчина. Эксклюзивность его возлюбленной подразумевает также и эксклюзивность его самого.

Джентльмен, разумеется, всегда уступит свою невесту другому, если убедится в том, что она любит именно этого другого, и этот другой порядочный человек. Он справится. Но первичная природа его любовного чувства именно такова: он будет отстаивать свой интерес до самой последней возможности.

Именно этот «эгоцентризм» стоит за тем требованием разделения между культом и сексом, которое отличает Синайское откровение от языческих практик.

Если прием пищи предполагает самый широкий круг участников, если любая людская встреча предусматривает совместную трапезу, то любовь предполагает уединение пары. И именно на этом положении, на целомудрии держится насквозь любовная иудейская религиозность.

С одной стороны влюбленные предельно обособляются, предельно удаляются не только от других людей, но и от Создателя, а с другой — уединяясь с Ним, обособляются друг от друга.

В момент близости с супругом невозможно предстать перед Царем. Однако предстоя перед Ним, человек испытывает аналогичное чувство. Как выразился рав Элияху Девидас в книге «Решит Хохма»: «Тот, кто не испытал любви к женщине, не может любить Бога».

На заре туманной юности мне как-то попалась граммпластинка, на которой звучала одна пронзительная по своей красоте мелодия. В мелодии той нечто немедленно опознавалась,

и то была не весна, не осень, не полет шмеля, то было чувство благоговения, испытываемое мужчиной перед прекрасной женщиной.

Я переписал ту музыку на кассету, но без опознавательных знаков, и с годами не мог вспомнить ни названия, ни имени композитора. В течение десятилетий я предлагал послушать эту запись нескольким знатокам, но никто не узнавал ее. Однако даже после того, как я совершенно случайно выяснил, что это творение Генделя, и даже более того, некая «Ария», я еще несколько лет не находил это произведение в интернете. Слишком многие другие арии забивали ту, которую я искал.

Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что эта песнь обращена вовсе не к женщине, а к Богу: «Dignáre, o Dómine, die isto sine peccáto» («Удостой, Господи, прожить этот день без греха»^[53]).

Глядя на соприкасающихся своими крыльями Керувов, евреи чувствовали, что их «связь с Богом дорога, как связь мужа и жены». Но это целомудренное соприкосновение крыльев радикально отличается как от порнографических сюжетов, запечатленных на барельефах индуистских храмов, так и от оргиастических спариваний почитателей Дионисия.

Итак, ничто так не отделяет одних людей от других, как их интимные отношения; ничто так не отдаляет влюбленную пару от всего прочего человечества, как ее собственное внутреннее сближение.

Но оказывается, что все же и ничто так не сближает их, эти пары, с прочими парами — как их любовные переживания. Ведь это то коренное чувство, которому сопричастно все живое.

Как бы мы — люди — ни были далеки от некоторых животных, например от членистоногих, далеки до полной неспособности понять их переживания, в половом влечении мы их все же узнаем. Это то высшее переживание, которое знакомо даже одноклеточным организмам, как известно, периодически «обменивающимся информацией», т. е., сливающимся в одну клетку, делящуюся вновь.

Все живое встречается в этом чувстве, все в нем становятся друг другу понятны и прозрачны, все становятся друг другу подобны. Как мы опознаем во всем живом предсмертные судороги, так мы опознаем в нем и судороги любви. Любовь — это чувство, в котором солидарно все живое.

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ СЫНОВЕЙ НОЯ

Обозначив основные библейские принципы, ограничивающие Хартию сексуальной свободы, следует четко указать их правовой, юридический смысл.

Как мы выяснили, религия и либеральная система предполагают друг друга. В союзе друг с другом они расцветают, в оторванности друг от друга хиреют, а зачастую перерождаются в душителей всего живого.

Отделение религии от государства явилось величайшим благом и одним из важнейших достижений человеческой цивилизации, причем, имеющим глубокий смысл также и с точки зрения Синайского откровения. Ведь секулярная культура впервые в истории породила действительность, которая в иудаизме именуется «холь» (будничное), т. е., «химически чистую», не оскверненную никакой языческой символикой противоположность святости («кадош»). Согласно этой системе, государство не должно подавлять человеческую совесть, не должно насаждать какие-либо метафизические религиозные представления. Однако предполагается, что ценности эти в обществе каким-то образом должны сохраняться, должны продолжать культивироваться.

Отделение религии от государства — безусловное благо, но лишь до тех пор, пока имеется что отделять, т. е., до тех пор, пока существует религия, обеспечивающая сохранение морали, и извне корректирующая общее состояние общества. Когда же религия теряет свой рейтинг, угнанный Гербертом Маркузе бульдозер права добывает ее, а вместе с ней и некогда исповедовавший ее народ.

Тем не менее, не следует переоценивать тоталитарные тенденции религии. Христианство давно отказалось от властных полномочий, а иудейская теократия еще две тысячи лет назад провозгласила ограниченность своих карательных возможностей. В Талмуде разъясняется, что вынесение смертного приговора окружено столь сложными процедурными требованиями, что делает казнь практически неосуществимой.

Иными словами, следование Хартии сексуальной свободы ни по Божеским, ни по человеческим законам не может быть ограничено внешними средствами.

Нарушения в сексуальной сфере практически ненаказуемы, однако при этом они все же чрезвычайно серьезны.

Галаха ожидает от иудея, что он умрет, но не станет спасать свою жизнь ценою нарушения трех запретов — идолослужения, убийства и совершения полового акта, караемого по Торе смертью.

Рассмотренные выше (связанные с сексуальной сферой) запреты распространяются Торой не только на евреев, но на все человечество. Они включены в свод Семи заповедей сыновей Ноя.

Между тем, 26 марта 1991 года Конгресс США принял закон, провозглашающий, что в основе Американского Законодательства лежит Семь Заповедей сыновей Ноя: «...Этические принципы и основа общества с самого начала цивилизации известны как Семь Ноевых законов...» («Публичный закон» 102—14).

Этот Закон — единственное средство от смертоносного марксистского вируса. Другое лекарство — мировой шариат с его паранджой и многоженством — выглядит не намного лучше самой болезни.

Воображающая себя венцом творения западная леватская элита с ее политкорректностью и романтизированной сексопатологией — обречена. Уже один только ее «Великий отказ» от деторождения низводит ее в небытие.

Если Западное общество не вернется к своим библейским корням, копившиеся десятилетиями марксистские нечистоты будут смыты в унитаз истории исламом.

* * *

Более подробно затронутые здесь проблемы взаимоотношения секулярной культуры с религиями, основанными на Синайском откровении, рассматриваются в моих книгах — «Там и всегда» и «День шестой»

В «Там и всегда» исследуются принципы взаимоотношения между частной религиозностью и традиционными верованиями, открывающимися в свете этих принципов для взаимного диалога.

«День шестой» — интеллектуальный триллер, основывающийся на столь же реальных, сколь и загадочных событиях моей жизни, и приоткрывающий как таинственную связь между разбросанными в веках творцами мировой культуры, так и ее глубинный религиозный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», 1848. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>

[2] А. Коллонтай. «Дорогу крылатому Эросу!», 1923. URL: https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm

[3] Л. Млечин. «Коллонтай»: ЖЗЛ, 2013. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=82837&p=52

[4] Сборник «Комсомольский быт» С. Смидович «О любви» с 274 Молодая гвардия 1927 http://db.rgub.ru/youthlib/4/Komsomol%60skij_byt.pdf

[5] К. Цеткин. «О Ленине». М.: Партийное издательство, 1933. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004982248?page=1&rotate=0&theme=white

[6] Л. Млечин. «Коллонтай»: ЖЗЛ, 2013. URL: <https://flibusta.site/b/563728/read>

[7] Цит. по И.А.Ильин «Мир перед пропастью». Ч. III. М. Русская книга 2001 стр 32 https://imwerden.de/pdf/ilyin_sobranie_sochineny_tom21_mir_pered_propastju_2001__ocr.pdf

[8] Цит. по К. Ясперс. «Ницше и христианство». URL: <https://www.nietzsche.ru/look/xxa/nietzsche-hrist/>

[9] Н. Бердяев «Истоки и смысл русского коммунизма». М.: Наука, (1990) — с. 35.

[10] В. Розанов. «О себе и жизни своей». М.: 1990 — с. 310.

[11] П. Тиллих. «Мужество быть» // Символ 28. Париж, 1992. URL: http://www.odinblago.ru/muzhestvo_bit

[12] П. Тиллих. «Мужество быть» // Символ 28. Париж, 1992. URL: http://www.odinblago.ru/muzhestvo_bit

[13] П. Тиллих. «Мужество быть» // Символ 28. Париж, 1992. URL: http://www.odinblago.ru/muzhestvo_bit

- [14] В. Франкл. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990 — с. 68. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf
- [15] Ж.-П. Сартр. «Экзистенциализм — это гуманизм» // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. URL: <http://psylib.org.ua/books/sarttr01/>
- [16] К. Ясперс. «Ницше и христианство». URL: <https://www.nietzsche.ru/look/xxa/nietzsche-hrist/?curPos=2>
- [17] А. Камю. «Бунтующий человек». М., 1990. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KOMPLEKS/KURS_1/kurs/10/19_1.htm
- [18] А. Барац. «День шестой». URL: https://ridero.ru/books/den_shestoi_1/
- [19] Цит по Б. Быховскому. «Кьеркегор». М., 1972. URL: <https://biography.wikireading.ru/50509>
- [20] BBC NEWS. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-53330105>
- [21] П. Бьюкенен. «Смерть запада», 2001. URL: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/60215/>
- [22] Э. Брайтбарт. URL: <https://dandorfman.livejournal.com/1728148.html>
- [23] Philip Carl Salzman. «How Universities Inject Toxic Anti-Americanism Into Students». URL: <https://pjmedia.com/columns/philip-carl-salzman/2020/06/04/how-universities-inject-toxic-anti-americanism-into-students-n490752>
- [24] Г. Маркузе. «Одномерный человек», 1964. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5440/5450>
- [25] Г. Маркузе. «Репрессивная толерантность», 1965. URL: <https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost>
- [26] И. Землер. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Землер,_Иоганн_Соломон
- [27] Цит по Б. Быховскому. «Кьеркегор». М.: 1972. URL: <https://biography.wikireading.ru/50509>
- [28] Ж.-П. Сартр «Экзистенциализм — это гуманизм»: Су-

мерки боров. М., 1989. URL: https://scepsis.net/library/id_545.html

[29] П. Тиллих. «Мужество быть» // Символ 28. Париж, 1992. URL: http://www.odinblago.ru/muzhestvo_bit

[30] В. Франкл. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990 — с. 126. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf

[31] А. Барац. «Там и всегда». URL: https://ridero.ru/books/tam_i_vsegda/

[32] В. В. Розанов. «Мимолетное». URL: <https://docenti.unisa.it/001433/risorse?categoria=335&risorsa=497>

[33] Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0533/history01.php>

[34] Г. Маркузе. «Эрос и цивилизация». URL: <https://www.you-books.com/book/G-Markuze/Eros-i-czivilizacziya-Odnomernyj-chelovek>

[35] Г. Маркузе. «Эрос и цивилизация». URL: <https://www.you-books.com/book/G-Markuze/Eros-i-czivilizacziya-Odnomernyj-chelovek>

[36] Г. Маркузе. «Эрос и цивилизация». URL: <https://www.you-books.com/book/G-Markuze/Eros-i-czivilizacziya-Odnomernyj-chelovek>

[37] Э. Мерсер «Терпимость: Единство среди различий». <http://www.medicus.ru/psychiatry/specialist/terpimost-edinstvo-sredi-razlichij-rol-psihiatrov-22769.phtml>

[38] Г. С. Кочарян. «Лечение гомосексуализма: современный анализ проблемы». URL: <https://pro-lgbt.ru/328/>

[39] Д. Николоси. «Гей — это идентичность, порожденная самообманом». URL: http://www.realisti.ru/main/homosexuality/gey_eto_identichnost_porojdenная_samoobmanom.htm#ixzz5M9JZYdsL

[40] The World News. URL: <https://theworldnews.net/lv-news/feisbuk-nachal-blokirovat-kontent-s-upominaniem-lecheniia-ot-gomoseksual-nosti>

[41] «„Конверсионная терапия“ может быть приравнена

к пыткам». URL: https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/ConversionTherapy_and_HR.aspx

[42] О. Крылова. «Кто, если не мы?» URL: <http://www.9tv.co.il/news/2016/11/20/234666.html>

[43] Л. Гидон «Мусаф Аарец»: Интервью с Д. Кнафо. 04.06.2021.

[44] «Институт семьи и однополые браки — куда движется?» URL: <https://www.bleckt.com/publication/interesting/10714.html>

[45] G. J. M. van den Aardweg. «The Battle for Normality: Self-Therapy for Homosexual Persons» ISBN 0898706149 (1997)

[46] «Ватикан отказался благословлять однополые браки». URL: <https://www.rbc.ru/society/15/03/2021/604f77a69a7947b12d3dba3d>

[47] В. Франкл. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990 — с. 107. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf

[48] J. Naftulin. «Why heterosexual relationships are so bad for us, according to a sex researcher». URL: <https://www.insider.com/why-straight-relationships-are-doomed-according-to-sex-researcher-2020-12>

[49] В. В. Розанов. «Люди лунного света. Метафизика христианства». Спб, 1913 — с. 39—41.

[50] Франкл. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990 — с. 277. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf

[51] В. Франкл. «Человек в поисках смысла». М.: Прогресс, 1990 — с. 265. URL: https://imwerden.de/pdf/frankl_chelovek_v_poiskakh_smysla_1990.pdf

[52] Катехизис Католической Церкви. М.: Истина и жизнь, 1998. — с.378 (1604).

[53] «Leonid Kogan plays Handel Aria from Dittingen Te Deum (arr. Car Flesch)». URL: https://www.youtube.com/watch?v=IXjTRkcvgxo&ab_channel=MargoBeloved

ОГЛАВЛЕНИЕ

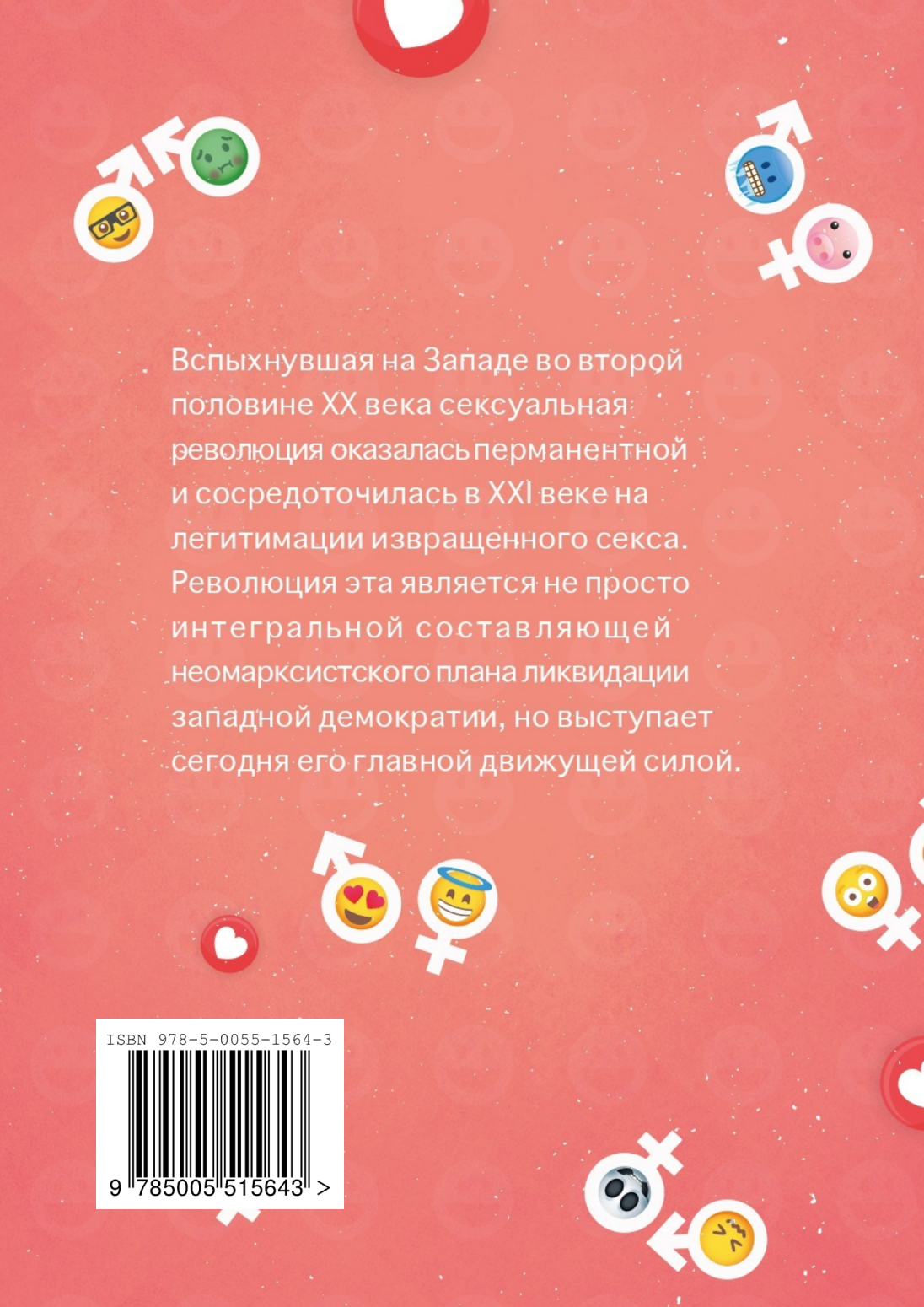
Часть 1. Карательная толерантность	3
Вирус марксизма	3
Мужество быть	8
Ум, честь и совесть	12
Подтверждение диагноза	17
Неомарксизм	22
Новые гегемоны	26
Таинство брака	30
Великий Отказ	34
Часть 2. Таран сексуальной революции	39
Не хочу жениться, а хочу гордиться	39
Оклеветанная терапия	45
Медицинская сторона вопроса	48
Процесс пошел	53
Часть 3. Библейская сексология	60
Две стороны человеческого рода	63
Метафизическая эмбриология	66
Дурная компания	69
Естественная магия	71
Кровосмешение	73
По ту сторону индивидуальности	76
Супружеская неверность	77
Единобрачие	82
Супружеская любовь	85
Семь заповедей сыновей Ноя	90
Примечания	94

Арье Барац

Хартия сексуальной свободы

Корректор Олеся Шевцова

Дизайнер обложки Лия Барац-Аруш

Вспыхнувшая на Западе во второй половине XX века сексуальная революция оказалась перманентной и сосредоточилась в XXI веке на легитимации извращенного секса. Революция эта является не просто интегральной составляющей неомарксистского плана ликвидации западной демократии, но выступает сегодня его главной движущей силой.

ISBN 978-5-0055-1564-3

9 785005 515643 >